

Фонд «Либеральная Миссия»

Свобода и Право

Стандарты справедливого правосудия

под редакцией
Т. Г. Морщаковой

ИЗДАТЕЛЬСТВО «СОЦИУМ»

Коллектив авторов

**Стандарты справедливого
правосудия. Международные
и национальные практики**

Серия «Свобода и право»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=50588584

*Стандарты справедливого правосудия. Международные и
национальные практики: Социум; Москва, Челябинск; 2020
ISBN 978-5-91603-611-4*

Аннотация

Книга основана на анализе международных и национальных требований к справедливому правосудию, содержит сравнительное исследование процессуальных средств судебной защиты, включая судебное доказывание, оказание юридической помощи, процедуры обжалования судебных решений по гражданским и уголовным делам – на примерах конкретных дел из практики ЕСПЧ, а также российских и зарубежных юрисдикций. Кроме того, рассматриваются перспективы и способы восприятия международных стандартов правосудия в законодательстве и правоприменении.

Книга может быть полезна для судей, работников правоохранительной системы, научных работников, студентов,

магистрантов и аспирантов юридических вузов, а также для тех, кто занимается правозащитной деятельностью.

Содержание

Предисловие	8
Глава I	25
Синописис	25
§ 1. Стандарты процессуальных гарантий: понятие и источники	35
1. Значение процессуальных гарантий для сущностной характеристики европейского стандарта правосудия	35
2. Источники и генезис европейских стандартов	40
3. Структура статьи 6 конвенции	45
§ 2. Нарушения статьи 6 конвенции, не имеющие системного характера	59
1. Право на доступ к суду	59
2. Состязательный характер процесса и процессуальное равенство сторон	67
3. Гласность судебного разбирательства	82
§ 3. Отмена вступивших в законную силу судебных решений	93
1. Производство по пересмотру судебных постановлений в порядке надзора и эволюция его оценки европейским судом по правам человека	93

Стандарты справедливого правосудия.

Международные и национальные практики

Под редакцией д. ю. н., ординарного профессора НИУ ВШЭ Т. Г. Морщаковой

Коллектив авторов:

М. Р. Воскобитова, к. ю. н., преподаватель кафедры адвокатуры и нотариата МГЮА – гл. 5; Г. В. Диков, юрист Секретариата Европейского суда по правам человека – гл. 2 (§ 6 – в соавторстве с к. ю. н., юристом Секретариата Европейского суда по правам человека О. С. Чернышевой); С. А. Насонов, к. ю. н., адвокат, эксперт Независимого экспертноправового совета – гл. 3; М. А. Филатова, к. ю. н., заместитель руководителя Представительства Конституционного Суда в г. Москве, доцент кафедры частного права Всероссийской академии внешней торговли – гл. 1; О. С. Шепелева, сотрудник института «Право общественных интересов» (PILnet) – гл. 4;

Организационно-техническая поддержка – исполнительный директор Центра правовых и экономических исследований И. А. Фиглин

© Мысль, 2012

Предисловие

Стандарты справедливого правосудия являются необходимой составной частью идеологии прав человека, которая в современном демократическом обществе не может не определять его основные нравственные, философские, социальные, политические и правовые ценности. Известная триада составляющих правового государства: подчинение государства праву, признание личности, ее прав и свобод высшей ценностью и независимая судебная власть – также с очевидностью исходит из неразрывной связи прав человека и правосудия. При этом признание и защита прав и свобод в качестве цели правового государства и судебная власть как основное правовое средство их эффективной защиты служат именно должному ограничению государства в интересах личности и общества. Они ориентируют государственную власть на исполнение той ее функции, которая, собственно, обуславливает ее учреждение и является основой общественного консенсуса в отношении организации и самоограничения власти. Словами российской Конституции (статья 18): «...права и свободы человека и гражданина являются непосредственно действующими... определяют смысл, содержание и применение законов, деятельности законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления и обеспечиваются правосудием».

Правосудие как основной правозащитный механизм может исполнять эту свою роль именно благодаря общепризнанным его стандартам. Стандартам, которые исходят из того, что определение прав и свобод каждого в судебном процессе осуществляется на основе справедливых процедур, заканчивается вынесением обязательных судебных решений, исполнение которых обеспечивает не только компенсацию причиненного ущерба, но и восстановление в нарушенных правах. Само право на справедливое правосудие также рассматривается как непременная часть каталога общепризнанных прав и свобод – без судебного механизма защита всех других прав не могла бы быть реализована.

В системе взаимоотношений, сложившихся в международном сообществе, права и свободы человека относятся к тематике международного характера. Если говорить о правовых основах такого положения, то оно является результатом развития не только международного права, т. е. производно не только от сложившихся общепризнанных принципов и норм международного права и заключаемых государствами международных договоров. Международный характер тематики прав и свобод в современном мире получает все большее признание на национальном уровне путем их включения в конституционные внутригосударственные акты в качестве именно международных обязательств государства. Примером этого могут служить практически все конституционные акты государств на европейском континенте,

взаимоотношения которых дают образцы наибольшей межгосударственной интеграции, такие как Совет Европы и Европейский союз.

Однако международная приверженность идеологии основных прав и свобод выражается не только в том, что их признание на национальном уровне обеспечивается согласием на приоритет международно-правовых норм в ситуации, когда национальное законодательство им противоречит, как это закреплено в статье 15, ч. 4 Конституции РФ. Эта приверженность находит выражение также в том, что национальные конституции во многих странах рассматривают международные нормы о правах и свободах как свою вторую конституцию, как часть своей конституции или как имеющие силу внутригосударственных конституционных стандартов. Многие страны признают приоритет международных норм о правах и свободах перед своими конституционными нормами¹. В России эта тенденция выражена в ее Конституции в особой, не менее впечатляющей форме: российский конституционный законодатель обязуется гарантировать права и свободы в основном законе страны в соответствии с тем, как они отражены в общем международном праве (статья 17, ч. 1, Конституции РФ).

Таким образом, международные стандарты прав и сво-

¹ См.: Единое правовое пространство Европы и практика конституционного правосудия: сб. докладов. М.: Институт права и публичной политики, 2007. С. 256 и др.

бод в силу волеизъявления, выраженного в российской Конституции, рассматриваются как база действующего конституционного регулирования, включены тем самым в российскую конституционную систему и признаны масштабом для правотворчества и правоприменения². Такое конституционное развитие является знаком, подтверждающим существование наднационального конституционного права в сфере стандартов прав и свобод³. Это, в частности, означает, что представляемое читателям данной книги понимание роли стандартов справедливого правосудия в национальной правовой системе России не может быть сведено к тому, чтобы они рассматривались только как образцы для подражания – по своей значимости они приравниваются к нормативным правилам. Как и все международно признанные права и свободы, право на справедливое правосудие должно обеспечиваться государством, оно не подлежит отчуждению законодателем. Государство не может ссылаться в оправдание каких бы то ни было отступлений от гарантий справедливого правосудия ни на национальные особенности, ни на отсутствие внутреннего закона.

Признание такого уровня обязательности стандартов справедливого правосудия базируется не только на автори-

² См.: Эбзеев Б.С. Глобализация, общепризнанные принципы и нормы международного права и правовое опосредование Конституцией России тенденций гуманитарного сотрудничества // Российское правосудие. 2007. № 4 (12). С. 11.

³ См.: Доктринальные основы имплементации международных стандартов прав и свобод средствами конституционного правосудия // Право. 2008. № 1. С. 3–4.

тетности международных принципов и норм и внешнеполитической ориентации страны на международное сотрудничество. Этого было бы недостаточно, тем более что не исключены и попытки отступления от этой ориентации. Но право каждого на обращение за судебной защитой, закрепленное в российской Конституции (статья 46), является абсолютным, т. е. не подлежит ограничению: «...право на судебную защиту отнесено, согласно статье 56 (часть 3) Конституции РФ, к таким правам и свободам, которые не могут быть ограничены ни при каких обстоятельствах»⁴.

Логико-юридическое объяснение абсолютного характера права на судебную защиту вытекает, однако, не только из упомянутой в приведенном постановлении Конституционного Суда РФ статьи 56 Конституции – статьи, запрещающей – даже в условиях военного или чрезвычайного положения в стране – ограничивать это право (в числе других неограничимых прав, таких как право на жизнь, уважение человеческого достоинства, презумпция невиновности и др.). Право каждого на доступ к суду, справедливые процедуры правосудия и эффективную судебную защиту не может быть ограничено в силу самой его природы. В силу того, что оно никогда не могло бы представлять собой препятствие для достижения таких целей, как защита прав и законных интересов других лиц или тем более защита таких общественных благ, как

⁴ Постановление КС РФ № 4-П от 3 мая 1995 года // Собрание законодательства РФ. 1995. № 19. Ст. 1764.

основы конституционного строя, нравственность, безопасность и оборона государства. Только эти цели согласно Конституции РФ (статья 55, ч. 3) могут оправдывать соразмерные ограничения прав и свобод, но ни одна из них никогда не могла бы ни потребовать ограничения права на справедливое правосудие, ни соответственно оправдать такое ограничение. Надлежащая, т. е. эффективная, судебная защита ни в какой ее форме не может представлять угрозу названным индивидуальным и общественным интересам, но, напротив, служит их охране. Также и отступление от международных стандартов справедливого правосудия невозможно было бы объяснять ни внутригосударственными целями, ни охраной национального суверенитета.

Конституционным признанием обязательности для России международных стандартов справедливого правосудия служит и прямое закрепление в Конституции РФ права каждого обратиться в межгосударственные органы по защите прав и свобод человека, если все имеющиеся внутри страны средства правовой защиты, к которым он вынужден был прибегнуть, оказались для него безрезультатными. Речь идет о том, что каждый в такой ситуации может рассчитывать на применение к нему международных стандартов защиты непосредственно наднациональными межгосударственными структурами. Среди них особое место – как наиболее востребованный и наделенный правом принимать обязательные решения – занимает Европейский суд по правам человека

(ЕСПЧ, Страсбургский суд). Он представляет собой специальную надгосударственную судебную юрисдикцию, защищающую от нарушения на национальном уровне права каждого, предусмотренные Европейской конвенцией о защите прав человека и основных свобод⁵. Россия, как и другие государства – участники этого договора, признает без каких бы то ни было дополнительных соглашений и оговорок обязательность решений Европейского суда по всем вопросам толкования и применения Конвенции в случаях предполагаемых ее нарушений со стороны Российской Федерации. Это предусмотрено Федеральным законом «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней» от 5 мая 1998 года. Юридическая обязательность решений Европейского суда для всех государств-участников, ратифицировавших Конвенцию, реально означает, что вырабатываемые им позиции по вопросам применения данного международного договора приобретают значение актуальных международных стандартов, а сам Суд действует как уникальный механизм поддержания этих стандартов в национальных практиках.

Защищаемые Европейской конвенцией и Европейским судом представления и договоренности об обеспечении прав и свобод являются наиболее концентрированным выражением общепризнанных в мировом сообществе принципов и

⁵ Рим, 1950. Полный текст на русском языке можно найти по адресу: <http://www.echr.ru/documents/doc/2440800/2440800-001.htm>

норм международного регулирования прав человека, т. е. гуманитарного права в его широком понимании. При этом, с одной стороны, они выступают как его часть и транслируют на региональном европейском уровне такие универсальные международные принципы и нормы, которые закреплены во Всеобщей декларации прав и свобод 1948 года и Международном пакте о гражданских и политических правах 1966 года. В этом отношении юриспруденция Страсбургского суда развивается в едином согласованном направлении с практикой других наднациональных органов, таких как Комиссия по правам человека ООН⁶, действующая с 1946 года в качестве вспомогательного органа Экономического и Социального Совета ООН (ОКОСОС), и Комитет по правам человека, созданный в соответствии с Международным пактом о гражданских и политических правах⁷. Благодаря обширной практике ЕСПЧ позиции названных органов относительно меж-дународно признанных прав человека не только могут получать дальнейшее развитие, но и приобретают действенный инструмент защиты от нарушений и восстановления таких прав в каждом случае рассмотрения жалобы Европей-

⁶ Комиссия вправе рассматривать индивидуальные и коллективные обращения о массовых и серьезных нарушениях прав человека во всех странах – членах ООН.

⁷ Рассматривает индивидуальные жалобы на нарушения пакта и сообщает о своих рекомендациях в связи с ними государству-участнику, а также представляет отчет по результатам рассмотрения жалоб в ежегодном докладе Генеральной Ассамблее ООН.

ским судом – благодаря обязательности исполнения его решений национальными властями.

С другой стороны, обобщенное в международном опыте понимание стандартов прав и свобод рождается в юриспруденции Европейского суда на базе оценки национально-го правового развития в разных странах. Ни одно его решение не может быть принято без исследования и учета особенностей правового регулирования и правоприменительной практики государства, действия которого обжалует заявитель, защищая свои права. Нередко ЕСПЧ анализирует разные правовые инструменты, имеющиеся на внутригосударственном уровне, и ставит вопрос об изменении сложившихся правонарушающих практик с учетом уже пройденного другими странами пути. В результате практика ЕСПЧ расширяет также возможности изучения зарубежного опыта формирования правовых стандартов, в том числе связанного с исполнением решений наднациональной Страсбургской юрисдикции в целях предупреждения в дальнейшем нарушений в области защищаемых на международном уровне прав и свобод.

Соответственно, представляемая вниманию читателя работа о стандартах правосудия, построенная на конкретном и детальном исследовании не только международных норм в области гуманитарного (в широком смысле слова) права, но и обширной наднациональной и национальной (не только европейской) практики их применения, расширяет возмож-

ности доступа к информации, существенной как минимум для поиска решений, которые должны способствовать развитию и использованию в России правозащитных механизмов. Это касается прежде всего российской правоприменительной практики, но, кроме того, позволяет увидеть, какие положения действующего законодательства рождают или провоцируют правонарушающие действия и решения со стороны власти. Увидеть, в чем проявляются проблемы, которые в других странах привели уже к признанию нарушенными международными стандартами прав человека. Увидеть, какие внутригосударственные практики и процедуры судопроизводства исходя из прецедентов Страсбургского суда, сложившихся по жалобам против России и других стран, дают основание для успешного обращения к этой международной инстанции. Понять, наконец, какие правовые механизмы и инструменты могут быть использованы государством, чтобы исключить основания для оспаривания его действий как нарушающих международные обязательства в области прав человека.

Книга не ограничивается изложением стандартов справедливого правосудия, но ориентирована и на то, чтобы показать, *что* в России не соответствует им, в чем заключается разница в подходах к гарантиям судебной защиты на международном и национальном уровне, а также как развиваются правовые позиции ЕСПЧ и национальных судов в этой области. По многим вопросам приведены и принятые меж-

дународными структурами документы, содержащие нормы рекомендательного характера. Эти документы, с одной стороны, показывают, как формируются требования к стандартам правосудия, в том числе через восприятие рекомендательных норм в практике отдельных стран. С другой стороны, во многом разъясняя и конкретизируя стандарты справедливого правосудия, они направлены более всего на определение национальных перспектив развития в таких вопросах, которые еще не получили достаточного внимания, например в связи с обеспечением доступа к правосудию путем предоставления квалифицированной юридической помощи или развитием транспарентности в судопроизводстве. Введение таких рекомендательных документов в научный оборот – одно из определенных достижений данного издания.

В то же время авторы книги считали необходимым представить читателям своего рода сборник прецедентов. И поэтому наряду с изложением тенденций практики разрешения конфликтов между государством и гражданином в связи с реализацией права на справедливое правосудие в работе излагается содержание обстоятельств конкретных дел, позиций заявителей, их анализ Европейским судом, существо принятых решений и их аргументация. Естественно, приводимые авторами конкретные дела сгруппированы по их тематике. Однако систематика такой работы не может быть аналогична предметной систематике учебников или комментариев к процессуальному законодательству; она неизбежно

выглядит более подробно, иногда лоскутно, так как зависит, например, от представленных в юриспруденции ЕСПЧ конкретных дел. Это отличительная черта данной работы в ряду монографической и учебной литературы, придающая ей одновременно характер хрестоматии. Такой жанр представляется определенным дефицитом для пользователей – учащихся, научных и практических работников в сфере права, представителей общественных правозащитных институтов, – тем более в связи с тем, что официальные публикации решений ЕСПЧ на английском и французском языках не имеют официального и полного русского перевода⁸. Исходя из такого характера и предназначения работы, а также чтобы читателям было легче ориентироваться в материале, в книге, наряду с общим достаточно подробным оглавлением, перед каждой главой помещен синопсис представленных в ней позиций, который в известной мере может рассматриваться и как каталог анализируемых стандартов правосудия.

Международные представления о справедливом правосудии не могут быть реализованы на национальном уровне без воплощения в устройстве суда целого ряда характеристик, касающихся его институционального оформления. Речь идет о том, что в качестве органа правосудия может выступать только организационно и финансово независимая

⁸ Приведенные в настоящей работе комментарии – помимо подробного изложения и цитирования решений и документов – отражают научное мнение авторов о рассматриваемых проблемах.

от других властей инстанция. Что суд как таковой создается и действует на основании закона, а не по собственному или чужому произволу. Что суд не вправе сам определять свою компетенцию по рассмотрению отдельных дел или каких-либо их категорий; те, кто обращается к судебной защите, должны иметь компетентный суд по любому вопросу и знать из законодательных установлений, в каком именно суде могут быть защищены их интересы в конкретном правовом конфликте. Никаким другим органам – не судам – не могут передаваться функции правосудия, запрещено создание чрезвычайных судов, т. е. органов с псевдосудебными функциями.

Эти стандарты часто освещаются в литературе и известны как первооснова судебной организации (судоустройства). Кажущиеся иногда в современном мире азбучными истинами, они относятся в основном к институциональной базе судебной деятельности в ее статике. В данной же работе делается, как правило, акцент на *развитии* судебных процедур, в которых осуществляется правосудие. Такой подход представляет особый интерес, так как судебные процедуры не только отличают правосудие от любых других форм деятельности, но и делают его наиболее эффективным средством правовой защиты. На основе практики ЕСПЧ авторами книги проведен анализ конкретных нарушений процедуры и отступлений от требований процессуальной формы при исследовании обстоятельств правовых конфликтов на этапах до-

судебной подготовки и судебного разбирательства дел. Это представляет собой ценное дополнение к имеющимся исследованиям стандартов правосудия и создает объективную основу для новых подходов к оценке национальных практик. Благодаря этой особенности представляемых в книге дел и материалов из международных и зарубежных юрисдикций становится наглядным сущностный процессуальный характер справедливого правосудия. Согласно правовым позициям ЕСПЧ его основной задачей в области стандартов правосудия является обеспечение для каждого именно *процессуальной* справедливости в судебной защите. Эти стандарты далеко еще не освоены российской системой правосудия.

Изложенные в работе требования к справедливому судебному разбирательству во многих случаях адресованы любому из видов судопроизводства. Вместе с тем процедурными особенностями правосудия по гражданским и уголовным делам обусловлены определенные различия в содержании и степени строгости этих требований по названным категориям дел. Это нашло отражение в структуре работы: две первые ее главы, самые значительные – по масштабности, глубине проработки и степени конкретизации материала, – посвящены судопроизводству отдельно по гражданским и по уголовным делам. Естественно, если говорить об общих параметрах справедливого правосудия, таких как состязательность в судопроизводстве, равноправие в процессуальных возможностях его участников по отстаиванию своих прав,

их обеспечение квалифицированной юридической помощью и право обратиться в открытом судебном разбирательстве к форуму общественности, то необходимо показать специфику реализации этих стандартов в уголовном и гражданском судопроизводстве. Именно поэтому они рассматриваются в разных разделах книги, посвященных каждой из этих процедур.

Особая задача авторов работы состояла в том, чтобы, анализируя международные стандарты правосудия как определенный критерий оценки национальных практик, показать возможность выявления общего правового содержания в принципах и институтах правосудия разных стран. Собственно, это является неременным условием и в деятельности межгосударственных инстанций по защите прав и свобод, поскольку иначе во многих случаях было бы невозможно ни сформулировать, ни понять, ни применить общие требования к многовариантным национальным системам правосудия. Системам, специфика которых объективно существует и никогда не отрицалась и не отрицается также на наднациональном уровне. Тем важнее решаемая межгосударственными органами по защите прав и свобод задача обозначить общезначимые подходы и к системе обязательных стандартов правосудия, и к системе используемых для раскрытия их содержания понятий.

Возможность решения этой задачи, как показывает представленная в данной работе обширная практика ЕСПЧ и

других наднациональных органов, связана, с одной стороны, с обязанностью и возможностями представления национальными участниками международных судебных процедур информации о конкретных обстоятельствах обжалуемых нарушений и о ходе национальных разбирательств по делу в полном объеме, а с другой – с применением международными инстанциями автономных (по отношению к национальным) понятий для квалификации общепринятых характеристик правосудия и его принципов. Эти аспекты, непосредственно связанные с формированием стандартов судебной деятельности, интересные для специалистов и в теоретическом, и в практическом плане, также нашли освещение в работе.

Перспективы развития в сфере российского правосудия, очевидно, не могут не соотноситься с воплощением международных стандартов, в том числе на основе опыта других стран, также ищущих пути согласования национальных практик с общепризнанными принципами и нормами международного права⁹. С учетом таких тенденций развития в работе рассматриваются потребности и некоторые возможные варианты решения внутригосударственных проблем, на которые уже было обращено внимание ЕСПЧ по российским делам и делам в отношении других стран в связи с необхо-

⁹ См.: Рекомендации Всероссийского совещания «Общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации в практике конституционного правосудия» // Общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры в практике конституционного правосудия. М.: Международные отношения. 2004. С. 528–530.

димостью исключить отступления от требований справедливого правосудия. Это может иметь значение для выработки национальных мер общего характера, в том числе для принятия законодательных парламентских решений, вытекающих из международных обязательств Российской Федерации, а также для ориентации судов на применение решений и учет правовых позиций Европейского суда. Представленный в работе анализ имеет также непосредственное практическое значение для повышения эффективности чисто юридической работы по содержательной подготовке обращений – как в межгосударственные правозащитные инстанции, так и в национальную судебную систему. В частности, в порядке конституционного судопроизводства, где достаточно активно используются международные стандарты в области прав и свобод.

Актуальные задачи реформы российского правосудия не могут быть ни определены, ни решены без освоения стандартов справедливого правосудия в теоретических разработках, в законопроектной работе, в реальном законотворчестве и судебной деятельности.

Т.Г. Морщакова,

доктор юридических наук, профессор

Глава I

Европейские стандарты правосудия по гражданским делам и их значение для российской правовой системы

Синописис

Каждый в случае спора о его гражданских правах и обязанностях или при предъявлении ему любого уголовного обвинения имеет право на справедливое и публичное разбирательство дела в разумный срок независимым и беспристрастным судом, созданным на основании закона. Судебное решение объявляется публично, однако пресса и публика могут не допускаться на судебные заседания в течение всего процесса или его части по соображениям морали, общественного порядка или национальной безопасности в демократическом обществе, а также когда того требуют интересы несовершеннолетних или для защиты частной жизни сторон, или – в той мере, в какой это, по мнению суда, строго необходимо, – при особых обстоятельствах, когда гласность нарушала бы

интересы правосудия...

Конвенция о защите прав человека и основных свобод. Статья 6 «Право на справедливое судебное разбирательство» (п. 1)

Процессуальные гарантии

Эволюция процессуальных гарантий

Источники европейских стандартов

Институциональный и функциональный аспект справедливого правосудия

Широкое толкование права на справедливое правосудие

Процессуальный аспект справедливого правосудия

Типичные ситуации нарушений требования справедливого правосудия по российским делам в ЕСПЧ

Доступ к суду в решениях ЕСПЧ и российской практике

Разграничение компетенции между судами общей и арбитражной юрисдикции

Состязательность – элемент справедливого правосудия

Равноправие сторон

Ненадлежащее уведомление сторон о судебном заседании

Порядок уведомления о слушании

Равноправие сторон в судебном разбирательстве

Участие прокурора в гражданском деле как нарушение равноправия сторон

Гласность судопроизводства: содержание и основные компоненты

Доступ к материалам судебных дел

Протокол судебного разбирательства: его качество и доступность

Сближение процессуальных принципов различных правовых систем по вопросам пересмотра судебных актов

Преобладание публичных интересов над частными в гражданском судопроизводстве социалистического типа

Третья судебная инстанция

Основные виды процедур по пересмотру судебных актов в мировой практике

Оценка российского производства в порядке надзора ЕСПЧ

Допустимые основания отмены национальными судами судебных актов в надзорном порядке

Новые и вновь открывшиеся обстоятельства как основание для пересмотра вступивших в силу судебных актов

Понятие существенных ошибок как основания пересмотра судебных актов, вступивших в законную силу

Недопустимые основания отмены вступивших в законную силу актов: российская практика

Эволюция надзорного производства в российском законодательстве

Ограничение контроля со стороны государства за рассмотрением частноправовых споров

Нарушения Конвенции и принципа правовой определенности в нормах действующего ГПК РФ относительно надзорного пересмотра

Основные причины критики Европейским судом процедуры пересмотра дел в порядке надзора

Различия в оценке ЕСПЧ надзорного пересмотра в гражданском и арбитражном процессе в РФ

Критерий совместимости надзорного порядка с Конвенцией

Недопустимые основания пересмотра дел в порядке надзора

Новое регулирование пересмотра вступивших в законную силу судебных актов в кассационном порядке

Предварительное изучение кассационной жалобы по правилам надзорного производства

Основания для отмены или изменения судебных постановлений в новом кассационном порядке

Новое производство в порядке надзора

Пересмотр вступивших в законную силу судебных постановлений по вновь открывшимся обстоятельствам

Квазинормативное значение обязательного толкования закона высшими судами

Практика Европейского суда в отношении отмены российскими судами вступивших в законную силу судебных решений по вновь открывшимся обстоятельствам

Пересмотр по вновь открывшимся обстоятельствам судебных актов о перерасчете пенсии с применением повышенного пенсионного коэффициента

Объединение в ЕСПЧ российских дел по жалобам на ре-

шения Пенсионного фонда о пересмотре пенсий

Запрет отмены решений судов, влекущий ретроактивно ухудшение положения гражданина, выигравшего ранее спор с государством

Правомерность ретроактивного применения изменившегося толкования нормы права, данного высшим судебным органом

Соотносимость подходов ЕСПЧ и КС РФ к вопросу об обратной силе толкования норм высшими судебными органами

Несогласованность с Конвенцией российского законодательного регламента и правоприменения по вопросу о пересмотре вступивших в законную силу актов в связи с толкованием норм высшими судами

Отмена судебных актов арбитражных судов в порядке надзора по основанию нарушения единообразия в применении норм закона

Принцип правовой определенности как методологическая основа оценки соответствия Конвенции процедур пересмотра и отмены судебных решений

Различия в европейской и российской практике применительно к принципу правовой определенности

Разрешение споров и гармонизация правоотношений как цель гражданского судопроизводства, обуславливающая принцип правовой определенности в судебной системе

Окончателность судебных решений и средства ее обеспечения

Сроки обжалования выступивших в законную силу судебных актов

Изменение подходов к окончательности судебных решений – в сравнении с регулированием советского периода

Основные выводы относительно принципа правовой определенности, вытекающие из практики Европейского суда по делам о пересмотре вступивших в законную силу судебных актов

Разумный срок судебного разбирательства как элемент справедливого и эффективного правосудия

Новое российское регулирование правил о разумных сроках при осуществлении правосудия

Соотношение процессуальных сроков по российскому законодательству и требования разумного срока по Конвенции

Практика ЕСПЧ по вопросу о сроках судебного разбирательства

Критерий для оценки соблюдения разумного срока разбирательства

Причины нарушений разумного срока судебного разбирательства в российских делах

Действующее российское регулирование процессуальных сроков по гражданским делам

Исторические предпосылки российского регулирования процессуальных сроков

Современные тенденции российского регулирования и практики соблюдения процессуальных сроков

Нарушение процессуальных сроков как основание дисциплинарной ответственности судей в РФ

Эффективность и качество судебного разбирательства в контексте статьи 6 Конвенции

Эволюция подходов к срокам судебного разбирательства в судопроизводстве Англии

Реформы английского правосудия в 90-х годах XX столетия в сфере контроля суда за движением процесса

Развитие в США полномочий суда по контролю за движением дела

Основные тенденции французской реформы гражданского судопроизводства

Изменения в гражданском судопроизводстве Германии

Опыт судебной системы Финляндии по внедрению проекта качества правосудия

Основные аспекты оценки качества судебной деятельности в Швеции

Программа модернизации правосудия в Нидерландах

Основные выводы о современных тенденциях обеспечения разумных сроков судебного разбирательства в контексте эффективности гражданского судопроизводства

Необходимость изменения целей и концепции реформ, направленных на оптимизацию сроков рассмотрения дел

Преимущества концепции разумного срока разбирательства в отличие от установленного законом

Изменение роли суда в контроле за продолжительностью

судебного процесса

Перераспределение активности суда и сторон в целях обеспечения разумного срока разбирательства

Управление движением дела

Толкование статьи 6 Конвенции как включающей исполнение судебных решений в право на суд

Дело по жалобе «*Burdov v. Russia*»

Недопустимость оправдания неисполнения решения суда отсутствием ресурсов

Подтвержденное судебным решением право требования как право на уважение собственности

Общие черты российских дел о неисполнении судебных решений Государство и его агенты – бюджетные учреждения, муниципальные образования – как субъекты неисполнения судебных решений

Отличие российского подхода, не признающего государственную ответственность за действия других субъектов публичной власти, от позиции ЕСПЧ

Неответственность государства за невозможность взысканий по судебному решению с субъектов частного права

Ограничение обязанности государства по исполнению взысканий с частных компаний предоставлением юридических средств для исполнения

Длительность неисполнения судебного решения как разновидность нарушения статьи 6 Конвенции о разумном сроке разбирательства

Связь длительного неисполнения судебных решений с нарушениями Конвенции в результате их отмены в надзорном порядке

Неадекватность возмещения со стороны государства как основание для признания нарушенным права на исполнение судебного решения

Обоснованность задержки исполнения решения

Значение поведения заявителя в ходе исполнительного производства для признания нарушенным его права на исполнение судебного решения

Постановление от 15 января 2009 года по второму делу по жалобе *«Burdov v. Russia»* на неисполнение судебного решения

Согласованность выводов ЕСПЧ и ВАС РФ, касающихся пределов ответственности государства в сфере исполнения судебных решений

Федеральный закон от 30 апреля 2010 года № 68-ФЗ «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок» как внутригосударственное средство защиты от неисполнения судебных решений

Оценка ЕСПЧ эффективности российских внутригосударственных средств защиты от неисполнения судебных решений

Компенсация морального вреда, причиненного неисполнением судебного решения, как не отвечающая требованиям

стандарта эффективного средства правовой защиты

Различие подходов ЕСПЧ и КС РФ к оценке компенсации морального вреда в качестве эффективного средства правовой защиты

Пилотное постановление ЕСПЧ по делу Бурдова (№ 2) в связи с системным характером нарушений, связанных с неисполнением судебных решений

Эффективное средство правовой защиты от неисполнения судебных решений по Федеральному закону «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок»

Компенсаторные и ускоряющие производство средства правовой защиты от нарушения сроков разбирательства и исполнения судебных решений

Положительные черты нового механизма компенсации за неисполнение судебных решений

Расширение круга агентов государства, за неисполнение которыми судебных актов выплачивается компенсация

Недостатки нового механизма защиты от неисполнения судебных решений

§ 1. Стандарты процессуальных гарантий: понятие и источники

1. Значение процессуальных гарантий для сущностной характеристики европейского стандарта правосудия

Среди институтов демократического государства правосудие играет центральную роль, поскольку именно оно является гарантией и одновременно механизмом защиты всех других институтов. Исходя из этого задача государства состоит в обеспечении лицам, обращающимся за судебной защитой, максимума гарантий, относящихся к организации и осуществлению правосудия. Набор процессуальных гарантий, или принципов, до некоторой степени отличается в различных правовых системах. Тем не менее еще с античных времен существует общее понимание того, какие элементы образуют саму суть правосудия, в отсутствие каких элементов правосудие не может рассматриваться в качестве такового.

Процессуальные гарантии

Это глобальное общее понимание выражается прежде всего в закреплении аналогичного перечня основополагающих процессуальных принципов (фундаментальных процессуальных гарантий) в конституциях национальных государств либо же в придании им статуса «конституционных» (для государств, в которых отсутствует «писаная» конституция, таких как Великобритания или Израиль). Конституциализация процессуальных гарантий, т. е. их внедрение в основы национального права различных государств на высшем уровне регулирования, как раз и являлась одной из важнейших тенденций развития права и правосудия во второй половине XX века. Параллельно шел процесс интернационализации этих гарантий, т. е. закрепление перечня гарантий, в соответствии с их общим восприятием в качестве «минимального стандарта правосудия» в международных документах¹⁰. Статья 10 Всемирной декларации прав человека,

¹⁰ Об этом см. подробнее: Cappelletti M., Vigoriti V. Fundamental Guarantees of the Litigants in Civil Procedure: Italy // Fundamental Guarantees of the Parties in Civil Litigation (Studies in National, International and Comparative Law) / ed. by M. Cappelletti, D. Tallon. Milano – Dott. A. Giuffrè Editore. Dobbs Ferry, New York – Oceana Publications, Inc. 1973. P. 514. Среди российских публикаций указанной темы касается Е.А. Виноградова в статье «Фундаментальные положения гражданского процессуального права» // Современная доктрина гражданского, арбитражного процесса и исполнительного производства. Теория и практика: Сб. на-

а вслед за ней и статья 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее также Конвенция) установили право каждого человека на справедливое и открытое рассмотрение его дела независимым и беспристрастным судом, созданным на основании закона. В данной формулировке, независимо от нюансов, имеющих в этих двух документах¹¹, содержатся гарантии, которые можно рассматривать как необходимые для осуществления справедливого правосудия, а именно: свободный доступ к правосудию, публичность и гласность судебного разбирательства, независимость и беспристрастность судей¹².

Впервые сравнительное глобальное исследование фундаментальных процессуальных гарантий проводилось в 1960-е годы в рамках так называемого Флорентийского проекта (реализованного под эгидой Флорентийского универси-

учных статей. Краснодар; СПб., 2004. С. 24–45.

¹¹ Статья 10 Всеобщей декларации прав человека устанавливает: «Каждый человек при определении его прав и обязанностей и для установления обоснованности предъявленного ему обвинения имеет право, на основе полного равенства, на то, чтобы его дело было рассмотрено гласно и с соблюдением всех требований справедливости независимым и беспристрастным судом». Согласно п. 1 статьи 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод «каждый имеет право при определении его гражданских прав и обязанностей или при рассмотрении любого уголовного обвинения, предъявленного ему, на справедливое публичное разбирательство дела в разумный срок независимым и беспристрастным судом, созданным на основании закона».

¹² См.: Oppetit B. Les Garanties Fondamentales des Parties dans le Procès Civil en Droit Français.// Fundamental Guarantees of the Parties in Civil Litigation (Studies in National, International and Comparative Law). Op. cit. P. 483.

тета), завершившегося проведением конференции под патронажем Международной Ассоциации юридической науки (ЮНЕСКО) во Флоренции в 1971 году. На конференции были представлены национальные доклады 17 стран и генеральный доклад, подготовленный выдающимся итальянским ученым Мауро Капелетти¹³, в котором впервые были сформулированы общемировые тенденции развития процессуального права: его конституционализация, интернационализация и социализация, охарактеризованные автором как «измерения современного конституционализма».

Эволюция процессуальных гарантий

В духе названных тенденций в 70-е годы прошлого века появилась «обновленная концепция правосудия», предполагавшая, в частности, повышение значения конституционного, международного и социального измерений правосудия, бóльшую доступность судов для всех (что включает не только судебные, но и альтернативные формы защиты права), обеспечение судами реального, а не формального равенства сторон, а также повышение справедливости и эффективно-

¹³ Мауро Капелетти (Mauro Cappelletti) – представитель флорентийской правовой школы, ведущий исследователь сравнительного гражданского процессуального права XX века, автор и вдохновитель глобальных исследовательских проектов «Доступ к правосудию» (Access to Justice) и «Фундаментальные процессуальные гарантии сторон» (Fundamental Procedural Guarantees of the Parties).

сти процессуальных правил¹⁴.

При признании всего многообразия национальных процессуальных систем в современной мировой процессуальной науке, а также в законодательстве и судебной практике различных государств существует общее понимание того, каким требованиям должна отвечать любая процессуальная система, чтобы обеспечивать достижение ее главного предназначения и соответствовать предъявляемому к ней главному запросу по осуществлению справедливого и эффективно рассмотрения дел. Указанные международные договоры, и прежде всего статья 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, отражают своего рода глобальное соглашение относительно общепризнанных минимальных требований к осуществлению правосудия, определяющих саму его суть и не зависящих от национальных границ, принципа государственного суверенитета и особенностей процессуальных систем. Понимание и развитие элементов права на справедливое судебное разбирательство в практике Европейского суда как международного органа, обеспечивающего применение и толкование Конвенции, отражает процесс поиска оптимального соотношения этих элементов и баланса противоположных интересов при их имплементации в национальные правовые системы.

¹⁴ О данной концепции правосудия и ее элементах, со ссылкой на М. Капелетти, пишет Е.А. Виноградова в упомянутой выше статье «Фундаментальные положения гражданского процессуального права».

2. Источники и генезис европейских стандартов

Принятие и ратификация Российской Федерацией в 1998 году Конвенции о защите прав человека и основных свобод явились одними из важнейших факторов влияния на реформирование национальных судовстройства и судопроизводства. Примечательно, что это влияние начало сказываться задолго до формальной ратификации Конвенции, поскольку «доконвенционное реформирование» имело своей целью подготовку почвы, создание условий для ратификации Конвенции, ее имплементации в российский правовой режим. Однако после ратификации Конвенции именно ее положения – в их постоянном развитии благодаря обширной практике Европейского суда по правам человека – стали главным импульсом реформирования видов судопроизводства, как уголовного, так и административного и гражданского.

В настоящей главе будут рассмотрены проблемы реализации вырабатываемых Европейским судом на основе статьи 6 Конвенции подходов к судебному разбирательству по гражданским делам. Хотя формально устанавливаемые Конвенцией основополагающие процессуальные гарантии в целом одинаковы для гражданского и уголовного судопроизводства, существуют некоторые, иногда существенные, особенности при их обеспечении по гражданским и уголовным

делам – Суд в своей практике сам определяет такие нюансы в связи со спецификой рассматриваемого дела. Поэтому целесообразно самостоятельное рассмотрение стандартов справедливого судебного разбирательства по гражданским делам, вырабатываемых Европейским судом на основе Конвенции, в том числе в их соотношении с базовыми принципами российского гражданского судопроизводства. Тем более что нарушения статьи 6 в контексте рассмотрения гражданских дел в российских судах устанавливаются ЕСПЧ гораздо чаще, чем применительно к рассмотрению дел уголовных. Кроме того, в области гражданского судопроизводства (в его широком смысле, включая стадию исполнения решений по гражданским делам) практика Европейского суда выявила в российской системе ряд таких проблем системного характера, связанных с отменой вступивших в законную силу судебных актов, неисполнением судебных решений, которые не свойственны или свойственны в гораздо меньшей степени уголовному судопроизводству.

Источники европейских стандартов

Статья 6 Конвенции в толковании, которым она наполняется в практике Суда, безусловно, является одним из главных источников формирования европейских стандартов в области гражданского судопроизводства, но далеко не единственным. Вопросы соблюдения закрепленных ею гарантий

применительно к рассмотрению гражданских дел исследуются Судом также на основе статьи 13 Конвенции о праве каждого на эффективное средство правовой защиты, статьи 46 Конвенции о последствиях установления нарушения Судом и необходимых мерах по восстановлению нарушенных прав заявителей, статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции применительно к нарушениям права на свободное пользование имуществом в результате судебного разбирательства, не отвечающего критериям статьи 6, и некоторых других. Однако помимо Конвенции существует множество документов различных европейских органов, отражающих, с одной стороны, постепенный процесс формирования общеевропейской системы стандартов в области прав человека, с другой – достижения европейской правовой мысли, которая, безусловно, является главным источником вдохновения и идей для деятельности европейских наднациональных органов и формируемых ими подходов. Поэтому термин «европейские стандарты», при всей его условности, не может быть сведен лишь к практике Европейского суда по применению положений Конвенции – он отражает в конечном счете результаты развития всей европейской системы права в ее многообразии. Это многообразие, в свою очередь, актуализирует задачу гармонизации общих стандартов в области гражданского судопроизводства на европейском пространстве и в то же время обуславливает признание – в значительных сферах правового регулирования – своеобразия той или иной наци-

ональной правовой системы. Термин «европейские стандарты» отражает общий вектор их сближения в контексте европейского правового поля. В этом процессе практика Европейского суда служит объединяющим фактором, проводником общеевропейских идей в различные национальные правовые порядки.

При этом сам термин «европейские стандарты», конечно, является достаточно условным, поскольку подходы к регулированию правосудия по гражданским делам зачастую отличаются и в государствах, являющихся «традиционными» членами Совета Европы. Необходимо учитывать также исходные существенные отличия судеустройства и судопроизводства в системах общего и континентального права. Кроме того, сам Европейский суд неоднократно подчеркивал автономию и широкую степень усмотрения государств-участников в организации судов и регулировании применяемых в них процедур.

В данном случае термин «европейские стандарты» отражает скорее принадлежность к определенному ценностному выбору в цивилизационном процессе, определяемому общей исторической судьбой европейских стран, сходством политических, экономических и культурных предпосылок формирования современных судебных процедур.

Генезис «европейских стандартов» обусловлен регулированием рассмотрения гражданских дел в «старых» членах Совета Европы, т. е. западноевропейских странах, в которых

процесс гармонизации правовых норм и основных подходов к реализации прав человека начался намного раньше и в значительной мере был катализирован общеевропейской экономической и политической интеграцией.

В странах-членах «новой волны», представленной относившимися к бывшему соцлагерю государствами Восточной и Центральной Европы или же бывшими республиками Советского Союза, по понятным причинам существовали совершенно иные стартовые условия, отражавшиеся на состоянии их правовой и судебной систем. Так, принципы осуществления правосудия в странах социалистической формации и в странах Западной Европы, при их частом внешнем текстуальном совпадении (принцип состязательности, принцип диспозитивности и т. д.), кардинально различались на уровне их концептуального наполнения и применения. Кроме того, некоторые специфические принципы, действовавшие в странах социалистической формации и не ориентированные на признание личности и ее прав и свобод высшей ценностью, определяли иную общую философию развития судопроизводства в этих странах. К таковым можно отнести в первую очередь принцип объективной истины и принцип доминанты публичного интереса (хотя последний в качестве принципа ни в доктрине, ни в законодательстве специально не выделялся). Поэтому неудивительно, что и после смены общего вектора развития в этих странах имеет место некоторая инерция, оказывающая влияние в том числе на рефор-

мирование судебных процедур.

В отличие от стран Восточной Европы, где процесс реформирования систем судопроизводства и их приведения в соответствие с выработанными стандартами остальной Европы шел достаточно быстро, в России приверженность к сложившимся, в том числе в советский период, принципам и подходам оказалась сильнее. В то же время невозможно отрицать большой путь, пройденный в этом направлении отечественной судебной системой, и значительные успехи в данной области. Однако ряд существенных расхождений в понимании фундаментальных принципов процесса, выявляемых на основе сравнения российских и европейских подходов к осуществлению правосудия, отражает качество и эффективность последнего, в том числе недостаточный уровень реальной защиты прав граждан в России.

3. Структура статьи 6 конвенции

Институциональный и функциональный аспект справедливого правосудия

Сложный, комплексный характер статьи 6 отмечался многими исследователями¹⁵.

¹⁵ См., например: Зимненко Б.Л. Международное право и правовая система Российской Федерации. Особенная часть: Курс лекций. М.: Статут, 2010. С. 160;

В различных работах принято выделять два основных аспекта закрепляемого статьей 6 права на справедливое судебное разбирательство: институциональный (относящийся скорее к судоустройственным элементам: независимость, беспристрастность, компетентность суда; его формирование в соответствии с законом) и процессуальный (напрямую касающийся судопроизводственных аспектов: справедливость разбирательства, публичность, процессуальное равноправие сторон, разумный срок рассмотрения дела)¹⁶.

Б.Л. Зимненко предлагает другую интерпретацию структуры статьи 6: он выделяет в ней применительно к гражданскому судопроизводству право на доступ к суду (включая право на инициирование судебного разбирательства, право на разрешение дела о гражданских правах и обязанностях по существу и запрет необоснованного пересмотра окончательно вступившего в законную силу решения суда), право на исполнение судебного решения, а также те критерии, которым должно соответствовать судебное разбирательство (разумный срок рассмотрения дела, справедливость, обуславливаемая фактическими обстоятельствами конкретного дела; публичность; беспристрастность и независимость; рас-

Афанасьев С.Ф. Право на справедливое судебное разбирательство и его реализация в российском гражданском судопроизводстве: монография. М.: Юрлитинформ, 2009. С. 18.

¹⁶ Обзор точек зрения по вопросу соотношения институционального и процессуального аспектов статьи 6 см. в: Афанасьев С.Ф. Указ. соч. С. 18–25.

смотрение дела судом, созданным на основании закона)¹⁷. Таким образом, данный исследователь фактически выделил в отдельную группу элементы, прямо названные в Конвенции, а также элементы, в самой Конвенции не поименованные, но выработанные практикой Суда (такие, как право на доступ к правосудию и право на исполнение судебных решений, а также недопустимость произвольной отмены окончательных судебных решений).

М. де Сальвиа, обобщая практику Суда по применению статьи 6, выделяет следующие аспекты последней: право на суд, справедливое судебное разбирательство (общее требование, относящееся к характеру самого процесса в его динамике и отражающее полученный результат судебного разбирательства; равенство сторон, принцип состязательности, надлежащую организацию судебных инстанций, требование мотивированности судебных решений); гласность, независимость и беспристрастность суда; его создание на основании закона; разумный срок рассмотрения дела¹⁸.

Для целей настоящего исследования и анализа главным образом российских дел в практике Суда представляется существенным выделить среди гарантий статьи 6 Конвенции непосредственно закрепленные в ее тексте и выводимые из ее толкования Судом.

¹⁷ См.: Зимненко Б.Л. Указ. соч. С. 160–161.

¹⁸ См.: Сальвиа М., де. Прецеденты Европейского Суда по правам человека. СПб.: Юридический центр Пресс, 2004. С. 275–482.

Широкое толкование права на справедливое правосудие

Многие исследователи отмечают расширительный подход Европейского суда к толкованию элементов права на справедливое судебное разбирательство в смысле статьи 6 Конвенции¹⁹. Это характерно не только для данной статьи – рассматривая Конвенцию как «живой» и непрерывно развивающийся инструмент правового регулирования, Суд постоянно эволюционирует в осмыслении и толковании ее норм, гибко применяя их с учетом конкретных социальных, экономических и иных реалий.

В отношении сферы применения статьи 6 Конвенции практика Суда прежде всего расширила само понятие «спора о гражданских правах». Если в начале практики Европейской комиссии по защите прав человека данное понятие толковалось исключительно как охватывающее классические отношения «частного» характера, то сегодня оно охватывает споры с явно выраженными публичными элементами.

¹⁹ Так, С.Ф. Афанасьев отмечает: «На первый взгляд ст. 6 Конвенции предельно проста, следовательно, для стран, ратифицировавших международный европейский договор, не составляет особого труда придерживаться и исполнять все необходимые требования. Но это только *prima facie*, поскольку норма перманентно получает сложное эволюционное толкование посредством деятельности Европейского Суда по правам человека, постановления которого обязательны для государств – членов Совета Европы» (Афанасьев С.Ф. Указ. соч. С. 6).

Как отмечает М. де Сальвиа, «отныне любой иск, имеющий имущественный предмет и основанный на посягательстве на права, также имущественные, касается, в принципе, “гражданских прав и обязанностей”». Таким образом, мало важна природа права, в соответствии с которым должен быть разрешен спор (гражданское, торговое, административное и т. д.), и природа органа, компетентного в данной области (общая юрисдикция, административный орган и т. д.)»²⁰.

Идя по пути расширительного толкования понятия «гражданских прав и обязанностей», Суд включил в него и споры между лицом и государством, традиционно относившиеся к сфере публичного права: «Отношения между лицом и государством значительно расширились во многих сферах в течение пятидесяти лет... с тех пор, как была принята Конвенция, и государственное регулирование значительно вмешивается в частноправовые отношения. Это привело Европейский суд к выводу, что разбирательство, будучи согласно национальному законодательству частью “публичного права”, может попадать в сферу применения статьи 6 Конвенции с “гражданской” точки зрения, если исход разбирательства имеет значение для гражданских прав и обязанностей, если оно касается, например, таких вопросов, как продажа земли, владение частной клиникой, доходы в виде процентов с собственности, предоставление административного разрешения относительно условий профессиональной де-

²⁰ Сальвиа М., де. Указ. соч. С. 325–326.

тельности или лицензии на производство алкогольной продукции» (постановление по делу «*Ferrazzini v. Italy*» от 12 июля 2001 года)²¹.

В том же постановлении Суд указал, что «политические права и обязанности, как, например, право баллотироваться на выборах в Национальную Ассамблею, даже несмотря на то, что в данном разбирательстве затрагивались материальные интересы заявителя, не являются гражданскими в смысле статьи 6 Конвенции и, следовательно, ее п. 1 неприменим»²².

Очередным этапом в расширении сферы применения статьи 6 Конвенции можно назвать включение в эту сферу споров с участием государственных служащих, связанных с выполнением последними публичных функций (постановление по делу «*Vilho Eskelinen and others v. Finland*» от 19 апреля 2007 года).

Тенденция расширения Судом понятия «гражданские права и обязанности» применительно к кругу споров, на которые распространяется п. 1 статьи 6 Конвенции, проявляется и в российских делах. Так, практикой Суда было подтверждено, что в сферу действия предусмотренных статьей 6 Конвенции гарантий подпадают дела о назначении пенсий, иных социальных выплат (в том числе компенсационного характера), составляющие значительную часть «россий-

²¹ Текст постановления цит. по: Сальвиа М., де. Указ. соч. С. 329.

²² Там же. С. 329–330.

ских» дел. При этом Суд указал, что пенсии и аналогичные выплаты, являющиеся экономическими (имущественными) по своей природе, представляют собой гражданские права по смыслу п. 1 статьи 6; данный вывод был сформулирован Судом в постановлениях по делам «*Smirnitsky v. Russia*» от 5 июля 2007 года; «*Kumkin and Others v. Russia*» от 5 июля 2007 года, «*Vedernikova v. Russia*» от 12 июля 2007 года²³. Относятся к сфере действия Конвенции, по общему правилу, и трудовые споры (см., например, постановление по делу «*Kabkov v. Russia*» от 17 июля 2008 года), за исключением случаев спора между государством и публичным служащим / должностным лицом (постановление по делу «*Kanaev v. Russia*» от 27 июля 2006 года)²⁴. Такой спор (между государством и государственным служащим, действующим в качестве носителя публичной власти) не подпадает под действие статьи 6 только в том случае, если он касается увольнения лица; если же речь идет о взыскании заработной платы, денежного довольствия и т. п., то спор должен охватываться понятием «гражданских прав и обязанностей» по смыслу статьи 6 независимо от того, кто пытается осуществить взыскание (постановления по делам «*Kanaev v. Russia*» от 27 июля 2006 года, «*Pridatchenko and other Kanaev v. Russia*» от

²³ Данные приводятся по: Зимненко Б.Л. Указ. соч. С. 260.

²⁴ При этом необходимо принимать во внимание выводы Суда, сформулированные в вышеупомянутом постановлении по делу «*Vilho Eskelinen and Others v. Finland*»).

21 июня 2007 года, «*Bezborodov v. Russia*» от 20 ноября 2008 года, «*Dementiev v. Russia*» от 6 ноября 2008 года и др.)²⁵.

Относятся к сфере действия статьи 6 согласно позиции Суда и вопросы оспаривания решений органов государственной или муниципальной власти, касающиеся имущественных прав лиц (см. постановление по делу «*Roseltrans v. Russia*» от 21 июля 2001 года)²⁶.

Постоянное расширение Судом сферы применения п. 1 статьи 6 в контексте рассмотрения «споров о гражданских правах» приводит исследователей к выводу, что в конечном счете устанавливаемые Конвенцией гарантии справедливого судебного разбирательства должны соблюдаться во всех видах судопроизводства²⁷.

В том, что касается толкования статьи 6, в наибольшей степени благодаря практике Суда наполняется новым содержанием именно процессуальный ее аспект, в то время как институциональный остается в большей степени статичным.

Процессуальный аспект справедливого правосудия

Процессуальный аспект статьи 6 – как в ее буквальном прочтении, так и в истолковании Судом – включает в себя принцип равенства сторон в использовании средств за-

²⁵ См.: Там же. С. 260–262.

²⁶ См.: Там же. С. 264.

²⁷ См., в частности: Зимненко Б.Л. Указ. соч. С. 265.

щиты, состязательный характер судопроизводства, мотивированность судебного акта, гласность (публичность) судопроизводства, разумный срок рассмотрения дела, недопустимость произвольной отмены вступивших в законную силу судебных решений, право на безусловное исполнение судебного акта.

Принцип процессуального равенства сторон (*equality of arms*) выделяется Судом как составной элемент более емкого понятия справедливого судебного разбирательства, в соответствии с которым каждой из сторон была дана разумная возможность представить дело в таких условиях, которые не ставят ее в существенно менее благоприятное положение по сравнению с оппонентом («*De Haes and Gijssels v. Belgium*» от 24 февраля 1997 года).

Принцип состязательности, по мнению Суда, означает, что «стороны в гражданском или уголовном процессе вправе знакомиться со всеми доказательствами или замечаниями, приобщенными к делу, комментировать их» («*Ruiz-Mateos v. Spain*» от 23 июня 1993 года).

Необходимость мотивированности судебного акта обосновывается Судом от противного: «...отсутствие мотивов в судебном решении есть достаточное основание для вывода о несправедливости разбирательства» («*H. v. Belgium*» от 30 ноября 1987 года).

Наконец, право на безусловное исполнение судебного акта обосновывается Судом следующим образом: «...право [на

суд] стало бы иллюзорным, если бы правовая система государства позволяла, чтобы окончательное и обязательное судебное решение оставалось недействующим к ущербу для одной из сторон» («*Hornsby v. Greece*» от 19 марта 1997 года)²⁸.

Сюда же можно отнести многократно воспроизведенный вывод Суда о недопустимости произвольной отмены вступивших в законную силу судебных решений («*Brumarescu v. Romania*» от 23 октября 1999 года).

Таким образом, право на справедливое судебное разбирательство, как оно гарантировано статьей 6 Конвенции, сегодня не ограничивается перечисленными в ней элементами. Эти элементы образуют лишь необходимый *minimum minimorum*, своего рода *conditio sine qua non*, что не устраняет необходимости соблюдения иных принципов и гарантий, прочно ассоциируемых в процессуальной науке и практике с понятием «правого суда». Европейский суд, через рассматриваемые им дела прецедентного характера, постепенно вводит новые грани закрепленных в самой Конвенции элементов права на справедливое судебное разбирательство, наполняя их тем самым новым, более объемным содержанием и обеспечивая гармонизацию фундаментальных принципов, в том числе в области судопроизводства, во всех странах – участницах Конвенции.

Ярким примером такой гармонизации, когда в националь-

²⁸ Ссылки на дела даны по изд.: Афанасьев С.Ф. Указ. соч. С. 201–202.

ную правовую систему посредством практики Суда имплементируется общепризнанный правовой принцип, в данной национальной системе до этого не рассматривавшийся как фундаментальный принцип права (хотя отдельные его проявления, безусловно, присутствовали), является постепенное внедрение в российскую правовую систему принципа правовой определенности, о чем будет сказано ниже. Имплементация данного принципа (а точнее лежащих в его основе ценностей) сталкивается со значительными сложностями в российском законодательстве и практике, именно в силу конфликта с другими ценностями, в течение длительного исторического периода определявшими общую философию и взаимодействие публичного и частного начал (государства и индивида) в общественно-политическом устройстве и правовом регулировании.

При толковании Конвенции Суд отталкивается от актуальных социальных реалий, общественных запросов, предъявляемых к судебным системам, культурного контекста и даже технического прогресса (в связи с внедрением современных технологий в судопроизводство и проблемой их совместимости с фундаментальными критериями справедливого судебного разбирательства).

Типичные ситуации нарушений требования справедливого правосудия по российским делам в ЕСПЧ

Подробный анализ всех элементов права на справедливое судебное разбирательство применительно к рассмотрению гражданских дел уже осуществлялся и в зарубежной, и в отечественной правовой науке. Применительно к каждому из этих элементов статьи 6 устанавливались Судом нарушения и в отношении России.

Чтобы избежать повторов и придать настоящему исследованию новизну, мы сосредоточимся на анализе областей российского права, наиболее резистентных к имплементации европейских стандартов в сфере рассмотрения гражданских дел. Весьма обширная практика Суда показывает, что удельный вес разных нарушений статьи 6 по российским делам неодинаков. Некоторые из них носят сугубо единичный характер, другие, в принципе, отражают потенциальную проблему национальной правовой системы, но в количественном выражении в практике Суда скорее незначительны. Подобные ситуации – именно в силу их единичности – достаточно легко исправить, и практика ЕСПЧ может явиться (и зачастую является) стимулом для такого рода изменений.

Между тем наибольший интерес для анализа представляют типичные ситуации, связанные с рассмотрением гражд-

данских дел в России, которые Суд неоднократно, в целом ряде постановлений, оценивает как нарушения Конвенции. Эти нарушения, таким образом, приобретают системный характер. Они повторяются, несмотря на уже сложившуюся отрицательную их оценку в практике Суда, что отражает неспособность или нежелание субъектов формирования отечественного законодательства и практики исправлять недостатки, приводящие к нарушениям Конвенции. Очевидно, что в подобных случаях расхождения в позициях отечественной правовой системы и Европейского суда отмечаются в ценностном подходе, в приоритетах, которые в данной области явно или имплицитно устанавливает государство и которых придерживается в своей практике Европейский суд. В этой связи необходимо проследить генезис несовпадений в этих ценностях в целях поиска путей сглаживания таких расхождений.

Автор выделил те элементы статьи 6, по которым констатированы единичные нарушения Конвенции, но которые потенциально могут иметь большее число нарушений, и элементы, которые сопровождаются систематическими нарушениями, т. е. такие элементы, несоблюдение которых уже привело к появлению проблем системного характера с точки зрения соблюдения Конвенции. В первую группу попали дела, в которых затрагивались право на доступ к суду, публичность судебного разбирательства, обеспечение гарантий состязательности (включая право представить свои объяс-

нения – *the right to be heard*) и процессуального равенства (*equality of arms*). Вторая группа включает типичные российские нарушения статьи 6 при рассмотрении гражданских дел: отмена вступивших в законную силу судебных решений (в порядке надзора и по вновь открывшимся обстоятельствам), неисполнение судебных решений, нарушение разумного срока судебного разбирательства. Последняя группа выделена не только из-за повторяемости данных нарушений (их не так много в общей структуре российских дел и значительно меньше тех, что допущены другими странами), но и в связи со спецификой названных проблем в российской практике.

§ 2. Нарушения статьи 6 конвенции, не имеющие системного характера

1. Право на доступ к суду

Доступ к суду в решениях ЕСПЧ и российской практике

Концепция «доступности правосудия», или «доступа к правосудию» (*Access to Justice*), оформилась в 70-е годы прошлого века в результате еще одного глобального исследовательского проекта (с одноименным названием), также разработанного под руководством Мауро Капелетти. Она отражает изменившиеся общественные запросы и ожидания в отношении правосудия и направлена на повышение реального уровня предоставляемой судебной защиты, а также эффективности разрешения социальных конфликтов, в том числе в отношении защиты прав новых субъектов изменяющихся общественных отношений, включая интересы больших групп лиц, например, в связи с защитой потребителей, участников корпоративных отношений и окружающей среды. Данная концепция касается не только собственно поряд-

ка обращения в суд и получения доступа к судебной защите, но и необходимости обеспечения юридической помощи слабо защищенным в социальном плане группам лиц²⁹.

В практике ЕСПЧ проблема доступа к суду рассматривается в основном с точки зрения предоставления возможности судебной защиты и создания условий для инициирования производства³⁰.

Не будучи прямо упомянутым в самой статье 6 Конвенции, впервые право на доступ к суду как элемент справедливого судебного разбирательства было сформулировано Европейской комиссией по правам человека в деле *«Golder v. the United Kingdom»* (постановление от 21 февраля 1975 года). Данное право само по себе имеет сложную структуру и охватывает как собственно право на обращение в суд (т. е. инициирование судебного разбирательства), так и право на разрешение дела по существу (т. е. получение адекватного фактическим обстоятельствам результата судебного разбирательства), а также право на получение юридической помо-

²⁹ Результаты данного масштабного проекта, включавшего сравнительное и междисциплинарное исследование проблем в обеспечении реальной доступности правосудия и возможных вариантов их решения, были опубликованы в 1978–1979 годах в шести томах. См.: The Florence Access-to-Justice Project. A Series Under the General Editorship of Mauro Cappelletti. Access to Justice / M. Cappelletti, B. Garth (eds.). Milan: Dott. A. Giuffrè Editore; Alphenaaandenrijn: Sijthoff and Noodhoff, 1978.

³⁰ Более подробно о развитии концепции доступа к правосудию в практике Европейского суда см. главу IV настоящей книги, а также: Афанасьев С.Ф. Указ. соч. С. 71 и след.; Зимненко Б.Л. Указ. соч. С. 161–168.

щи и права, связанные с обжалованием судебных решений. Европейский суд в своей практике сформулировал общий подход, согласно которому данное право не является абсолютным и может быть ограничено, однако при этом ограничительные меры не могут изменять право доступа к правосудию таким образом или до такой степени, чтобы сама его сущность оказывалась затронутой³¹. Признание неабсолютного характера права на доступ в суд означает предоставление государствам достаточной свободы усмотрения в установлении процедур обращения в суд, процессуальных прав и обязанностей сторон, процедур обжалования судебных решений и т. д.

Нарушения права на доступ к суду по российским делам в ЕСПЧ носят единичный характер. Вместе с тем некоторые из дел данной категории отражают особенности законодательства или сложившейся практики российских судов, а значит, отражают проблемы потенциально системного характера.

Так, в деле «*Sergey Smirnov v. Russia*» (постановление от 22 декабря 2009 года) Европейский суд признал нарушение п. 1 статьи 6 Конвенции в контексте права заявителя на доступ к суду. Оно выразилось в том, что суды общей юрисдикции (первой и второй инстанций) отказали в принятии к рассмотрению исковых заявлений, поданных С.Ю. Смирновым в связи с отсутствием у него регистрации по месту житель-

³¹ Перечень прецедентных постановлений по данному вопросу приводит, в частности, Микеле де Сальвиа. См.: Сальвиа М., де. Указ. соч. С. 282–304.

ства. Данное дело демонстрирует вакуум правовой защиты для лиц при отсутствии у них регистрации по месту жительства в России. Заявитель по данному делу пытался совершить ординарные действия (взять на прокат имущество, зарегистрировать на себя номер мобильного телефона), в чем ему было отказано из-за отсутствия регистрации. Поданные в судебном порядке жалобы на такой отказ также не были приняты в связи с отсутствием регистрации по месту жительства.

Европейский суд по данному делу отметил, что «право на возбуждение судебного разбирательства по гражданскому делу составляет лишь часть права на суд, однако именно эта часть делает возможным использование дополнительных гарантий, которые заложены в п. 1 статьи 6 (см. постановление по делу *«Teltronic-CATV company v. Poland»* от 10 января 2006 г.)»³². Суд отметил, что «требование указать место жительства истца само по себе не нарушает п. 1 статьи 6. Оно преследует законную цель надлежащего осуществления правосудия, поскольку позволяет судам поддерживать связь с истцом и вручать ему повестки или судебные решения. Однако в данном деле заявитель, который не имел определенного места жительства, не мог выполнить требования суда, но он предложил альтернативу – назвал адрес для корреспонденции».

³² Перевод данного постановления выполнен Аппаратом Уполномоченного РФ при ЕСПЧ.

Отметив, что правила подсудности не препятствовали судам принять иск, так как он предъявлялся по месту нахождения ответчика, Суд указал, что «национальные суды не только наказали заявителя за несоблюдение формального требования, но также наложили на него существенные ограничения, не допуская рассмотрения... его исковых требований... Тем самым была нарушена сама суть права на доступ к суду... Подобное строгое применение процессуальной нормы без рассмотрения особых обстоятельств не может считаться совместимым с положениями п. 1 статьи 6».

Если указание места жительства истца в исковом заявлении необходимо главным образом для целей коммуникации суда с истцом, то возможны и определенные шаги по установлению альтернативных механизмов такой коммуникации, как это сделано, например, в АПК РФ, статья 125 которого в редакции, вступившей в силу с 1 ноября 2010 года, требует указания в исковом заявлении адреса электронной почты истца. Это создает альтернативу традиционному способу направления судебных извещений и в судах общей юрисдикции – в случаях, аналогичных рассмотренному в деле Сергея Смирнова. Данное дело демонстрирует формальный подход судов к применению процессуальных норм, когда правоприменительная практика ориентируется не на их изначальную цель (в данном деле – коммуникацию суда с истцом), а лишь на следование букве закона.

В деле «*Itzlaev v. Russia*» (постановление от 9 октября 2008

года) предметом рассмотрения Суда стали сроки обращения в суд по трудовым спорам и их совместимость с Конвенцией. Суд указал, что установление таких сроков само по себе не является несовместимым с Конвенцией, но определяющим следует считать то, каким образом данные сроки были применены в отношении заявителя. Поскольку в данном деле суды рассмотрели ходатайство заявителя о восстановлении пропущенных сроков и его доводы о наличии уважительных причин такого пропуска, дали им оценку, не согласившись с доводами заявителя, Суд пришел к выводу, что в отношении заявителя не имели места чрезмерные ограничения, касающиеся доступа к суду; следовательно, отсутствовало и нарушение п. 1 статьи 6 Конвенции³³.

Разграничение компетенции между судами общей и арбитражной юрисдикции

Еще одна серьезная проблема российской правовой системы, связанная с недостаточно четкими критериями разграничения компетенции между судами общей юрисдикции и арбитражными судами, была выявлена Европейским судом в деле *«Bezutyannaya v. Russia»* (постановление от 22 декабря 2009 года). В данном деле Суд установил нарушение права на доступ в суд. Изначально иск гражданки Безымянной о при-

³³ Обстоятельства дела приводятся по: Зимненко Б.Л. Указ. соч. С. 162–164.

знании недействительным договора дарения нежилых помещений ее мужем третьим лицам был предъявлен в районный суд общей юрисдикции, который, сочтя, что дело неподведомственно судам общей юрисдикции, передал его, согласно подведомственности, в арбитражный суд. Арбитражный суд также прекратил производство в связи с не-подведомственностью дела арбитражным судам. Европейский суд признал, что в данном деле заявительница оказалась в ситуации «судебного вакуума», когда по независящим от нее причинам суды отказывались рассматривать ее дело под предлогом того, что это не входило в их компетенцию. Соответственно, ЕСПЧ признал нарушение права заявительницы на доступ к суду.

Проблема разграничения компетенции между двумя ветвями судебной системы, рассматривающими дела гражданско-правового характера, порождает негативные последствия для участников соответствующих правоотношений (неопределенность, потеря времени, иногда пропуск сроков для обращения в суд). Кроме того, поскольку формально российское законодательство не допускает возможности передачи дела по подведомственности из одной ветви судебной системы в другую и исключает споры о подведомственности, последствия таких ошибок судов приводят к тому, что сторонам фактически отказывают в судебной защите. Законодатель должен обеспечить баланс таких конституционных ценностей, как право на законный суд (по смыслу статьи 47,

часть 1, Конституции РФ) и право на судебную защиту, которого лицо лишается, если невозможно определить более точные критерии подведомственности и у судов нет единого мнения о ней. В литературе предлагается, чтобы при отказе в принятии заявления или при прекращении производства по делу в силу его неподведомственности данному суду последний указывал компетентный для данного дела суд³⁴.

Возможный вариант решения проблемы предлагается в практике арбитражных судов, в некоторых случаях рассматривающих неподведомственные им дела, если ранее заявителю было отказано в принятии заявления судами общей юрисдикции по мотиву неподведомственности. Мотивом принятия таких дел к рассмотрению в арбитражных судах становится необходимость обеспечения прав заявителя на судебную защиту³⁵. Однако понятно, что эти меры точечного характера не могут решить проблему полностью. Необходимо законодательно закрепить процедуры и рамочные условия для применения более гибких правил определения подведомственности в «пограничных», неочевидных случаях с тем, чтобы право заявителей на судебную защиту не нарушалось.

³⁴ См.: Елисеев Н.Г. Разрешение коллизий подведомственности // Законы России: опыт, анализ, практика. 2007. № 8 (СПС «Консультант-Плюс»).

³⁵ См., например, постановление Президиума ВАС РФ от 24 февраля 2004 года № 11675/03.

2. Состязательный характер процесса и процессуальное равенство сторон

Состязательность – элемент справедливого правосудия

Как следует из практики Суда, справедливость судебного разбирательства рассматривается им не только и не столько как конечный результат, на достижение которого направлена статья 6 Конвенции, но и как общая характеристика надлежащего процесса, в качестве одного из существенных элементов которого ЕСПЧ рассматривает состязательную процедуру и равенство сторон.

Так, в деле *«Galich v. Russia»* (постановление от 13 мая 2008 года) Суд указал, в частности, что «требования справедливого судебного разбирательства применительно к гражданским делам менее строги, нежели в ситуации с уголовными делами. Тем не менее гражданское разбирательство должно быть справедливым, справедливость подразумевает наличие состязательной процедуры, которая, в свою очередь, требует, чтобы суд не основывал свое решение на доказательствах, которые не стали доступными одной из сторон».

При этом из позиций ЕСПЧ следует, что установление требований к реальной состязательности при рассмотрении той или иной категории дел, а также соотношения активности суда и сторон в сфере доказывания относится к сфере усмотрения национального законодателя. Кроме того, в национальных процессуальных системах часто устанавливаются процедуры несостязательного характера (различные упрощенные производства, процедуры вынесения заочных решений, аналоги российского приказного производства и т. д.), которые сами по себе не являются несовместимыми с Конвенцией. Суд оценивает совместимость указанных процедур с критерием справедливости, закрепленным Конвенцией. Справедливость же определяется через соблюдение принципа процессуального равенства сторон, в том числе в сфере представления доказательств, и права представить свои объяснения в ответ на доводы другой стороны.

В частности, при рассмотрении дела *«Khuzhin v. Russia»* Суд указал, что принцип состязательности является одним из аспектов концепции справедливого судебного разбирательства в ее преломлении применительно к фактическим обстоятельствам дела. В отношении как уголовных дел, так и гражданских данный принцип предусматривает, что каждой стороне должна быть предоставлена разумная возможность знать и комментировать возражения либо доказательства, предоставляемые другой стороной, а также представить свое дело на условиях, которые не ставят одну сторону в су-

щественно более невыгодное положение в сравнении с ее оппонентом (постановление от 23 октября 2008 года)³⁶.

Таким образом, справедливость судебного разбирательства прочно ассоциируется в практике ЕСПЧ с правом стороны представить свои объяснения (*the right to be heard*) – процессуальной гарантии, известной еще римскому праву (*audiatur et altera pars*) и рассматривающейся в современной процессуальной науке, по замечанию Е.А. Виноградовой со ссылкой на Флорентийский проект, «как своеобразный знаменатель, дающий два принципиально важных результата: (а) установление минимального стандарта процессуальной справедливости, (б) отделение такого минимального стандарта от других технических несущественных правил или даже ненадлежащих элементов процессуального формализма»³⁷.

Равноправие сторон

Суд рассматривает процессуальное равноправие сторон (*equality of arms*) как один из элементов справедливого судебного разбирательства (*fair trial*), предполагающий – по смыслу п. 1 статьи 6 Конвенции – обеспечение «справедливого баланса прав сторон» (постановления по делам

³⁶ Текст постановления приводится по: Зимненко Б.Л. Указ. соч. С. 228.

³⁷ Виноградова Е.А. Фундаментальные положения гражданского процессуального права.

«Yvon v. France» от 24 апреля 2003 года, «Nideröst-Huber v. Switzerland» от 18 февраля 1997 года и др.).

Как показывает анализ практики Суда по российским делам, нарушение статьи 6 Конвенции в связи с необеспечением процессуального равноправия сторон главным образом констатируется Европейским судом применительно к рассмотрению уголовных дел, в отношении которых, как указывает М. де Сальвиа, Судом был разработан истинный *corpus juris*³⁸. Данные гарантии при рассмотрении гражданских дел российскими судами в основном соблюдаются. В отдельных делах, однако, отмечены нарушения по отдельным аспектам равенства или состязательности и в их числе также ненадлежащее уведомление сторон о судебном заседании. Последняя категория дел получила негативную оценку Суда в связи с такими последствиями отмеченного нарушения, как непредоставление сторонам возможности дать объяснения по делу и отступление от требования публичности судебного разбирательства.

Ненадлежащее уведомление сторон о судебном заседании

Право лица на своевременное уведомление о начавшемся в отношении него судебном процессе является одной из

³⁸ См.: Сальвиа М., де. Указ. соч. С. 376.

фундаментальных гарантий при осуществлении правосудия. Как отмечается в одном из авторитетных трудов последних лет в области сравнительного гражданского процесса, «право на справедливое судебное разбирательство, или на надлежащее отправление правосудия [*due process*], в странах общего права или в соответствии с Европейской конвенцией о правах человека, или согласно конституционному праву Германии (в частности, право представить свои объяснения [*right to be heard*] в соответствии со ст. 103 немецкого Основного Закона), или же согласно 14-й Поправке к Конституции США, – требует, чтобы каждая из сторон получала своевременное уведомление о любом судебном разбирательстве, затрагивающем ее интересы, и разумную возможность направить свои возражения. Следовательно, ответчики должны быть извещены о предъявленных в отношении них требованиях. Все стороны должны получить уведомление о любом судебном слушании, которое должно быть проведено, о любом документе, который должен быть представлен в слушании, о любом свидетеле, подлежащем вызову, о любых изменениях требований и возражений любой из сторон и о любом другом документе, который может быть использован в судебном разбирательстве»³⁹.

Нарушение данного принципа установлено Судом в ряде российских дел. В основном они связаны с необеспече-

³⁹ Chase O., Hershkoff H., Silberman L., Taniguchi Y., Varano V., Zuckerman A. Civil Litigation in Comparative Context. Thomson West, 2007. P. 165.

нием явки в судебное заседание второй инстанции подсудимых в уголовных процессах, но нарушение статьи 6 в связи с несоблюдением права на надлежащее уведомление констатировалось Судом и по ряду гражданских дел (например, «*Yakovlev v. Russia*», «*Groshev v. Russia*», «*Subbotkin v. Russia*», «*Sivukhin v. Russia*» и др.). Так, в деле Яковлева повестка о кассационном рассмотрении дела была направлена заявителю в день заседания суда кассационной инстанции, а получена через 4 дня после заседания. В постановлении по данному делу от 6 июля 2005 года Суд напомнил, что в соответствии с п. 1 статьи 6 право на «публичное слушание» с необходимостью предполагает право на «устное слушание», но право на проведение публичного слушания не является абсолютным. Кроме того, российское процессуальное законодательство предусматривает проведение устного слушания в суде кассационной инстанции, однако присутствие сторон не является обязательным и неявка стороны без уважительных причин, в силу отсутствия надлежащего уведомления, не препятствует проведению судебного заседания. Суд отметил, что данные положения сами по себе не являются несовместимым с п. 1 статьи 6 Конвенции. Однако право на публичное слушание лишилось бы своей сути, если бы сторона по делу не была извещена о слушании таким образом, чтобы иметь возможность присутствовать на заседании в случае, если бы у нее было такое желание. Поэтому в данном деле Суд, с учетом того что заявитель получил повестку о слуша-

нии только через 4 дня после самого слушания, а суд кассационной инстанции не исследовал вопрос о надлежащем уведомлении заявителя, установил нарушение права заявителя на публичное заседание, гарантированное п. 1 статьи 6 Конвенции.

К аналогичным выводам Суд пришел и в других делах данной категории. Эти дела немногочисленны, но довольно показательны, так как обнажают одну из серьезнейших проблем современного гражданского судопроизводства в России – проблему надлежащего извещения сторон и свидетельствуют о том, что требуется пересмотреть традиционную и во многом устаревшую процедуру вручения процессуальных документов в российском гражданском процессе.

Попытки решения проблемы надлежащих извещений с помощью новых электронных технологий предпринимаются в арбитражном процессе. Так, статья 121 АПК РФ в редакции, действующей с 1 ноября 2010 года, предусматривает, что лица, участвующие в деле, и иные участники арбитражного процесса после получения первого судебного акта по рассматриваемому делу (который доставляется традиционным способом, т. е. почтовой связью, по месту жительства [месту нахождения] таких лиц) в дальнейшем самостоятельно предпринимают меры по получению информации о движении дела и принимаемых по делу судебных актах, о времени и месте судебного заседания или совершения отдельного процессуального действия; эта информация размещается на

официальном сайте арбитражного суда в сети Интернет не позднее 15 дней до начала судебного заседания или совершения отдельного процессуального действия, если иное не предусмотрено настоящим Кодексом.

Порядок уведомления о слушании

Европейским судом был проанализирован и особый характер процедуры уведомления стороны о судебном заседании, используемый в Конституционном Суде РФ (решение от 6 ноября 2003 года «По вопросу приемлемости жалобы “*Nikolay Dmitrievich Rochka v. Russia*”»). В данном деле заявитель жаловался, среди прочего, на неуведомление о слушании дела с его участием в заседании Конституционного Суда РФ. ЕСПЧ отметил, что в деле, в котором рассматривалась жалоба заявителя, в качестве заявителей выступали 2057 нотариусов, 562 индивидуальных предпринимателя, 61 адвокат, 7 фермеров, 15 региональных и межрегиональных общественных организаций инвалидов, а также Всероссийский фонд социально-правовой защиты и реабилитации инвалидов и два суда, обратившихся с запросами о проверке конституционности оспариваемых норм. Конституционным Судом РФ все обращения были объединены в одно производство⁴⁰.

⁴⁰ Речь шла о Постановлении Конституционного Суда РФ от 23 декабря 1999 года № 18-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений ста-

Анализируя аргументы заявителя, Европейский суд указал, что заявителю не препятствовали представить свои доводы в устном или письменном виде. Заявитель мог узнать о заседании по его делу из объявлений, которые Конституционный Суд вывешивает на здании, в котором находится, а также публикаций в СМИ. Европейский суд отметил, что не убежден в необходимости личного участия заявителя для формирования мнения Конституционного Суда.

Принимая во внимание характер судебного разбирательства, число лиц, которые имели общий интерес, жалобы которых были объединены в одно производство и рассмотрены на одном судебном заседании, их представительство на заседании, отсутствие необходимости личного присутствия заявителя и уведомление общественности о судебном заседании, Европейский суд не установил, что неуведомление заявителя лично о судебном заседании Конституционным Судом Российской Федерации, лишившее заявителя возможности лично присутствовать на слушании его дела, наруши-

тей 1, 2, 4 и 6 Федерального закона от 4 января 1999 года «О тарифах страховых взносов в Пенсионный фонд Российской Федерации, Фонд социального страхования Российской Федерации, Государственный фонд занятости населения Российской Федерации и в фонды обязательного медицинского страхования на 1999 год» и статьи 1 Федерального закона от 30 марта 1999 года «О внесении изменений и дополнений в Федеральный закон «О тарифах страховых взносов в Пенсионный фонд Российской Федерации, Фонд социального страхования Российской Федерации, Государственный фонд занятости населения Российской Федерации и в фонды обязательного медицинского страхования на 1998 год» в связи с жалобами граждан, общественных организаций инвалидов и запросами судов».

ло права, гарантируемые п. 1 статьи 6 Конвенции⁴¹.

Таким образом, данное решение ЕСПЧ подтвердило соответствие международным (европейским) стандартам процедуры уведомления заявителей о заседании Конституционного Суда путем размещения «публичного объявления» – в здании КС и в СМИ. В настоящее время такая информация также размещается на официальном сайте Конституционного Суда.

С учетом данного решения ЕСПЧ можно предположить, что процедуры уведомления сторон о судебном заседании, устанавливаемые действующей с 1 ноября 2010 года редакцией АПК РФ, в целом могут рассматриваться как соответствующие современным европейским подходам. Однако в приведенном примере Европейским судом анализировалось соблюдение права на надлежащее извещение для стороны, инициирующей производство. Очевидно, что к реализации аналогичного права ответчика – как стороны, которая лишь узнает о начавшемся в отношении нее судебном процессе, но не инициирует его, – должны предъявляться более строгие требования. Признание соответствия новой процедуры уведомления, закреплённой АПК РФ, Европейской конвенции будет зависеть от реального соблюдения требования «личного вручения» первого судебного акта по делу – именно на этом основании ответчик и иные лица, участвующие в деле,

⁴¹ Перевод указанного решения ЕСПЧ на русский язык приводится по СПС «Консультант-Плюс».

за исключением истца, узнают о начавшемся процессе, который может затронуть их правовое положение.

Равноправие сторон в судебном разбирательстве

Из немногих дел, рассмотренных ЕСПЧ в контексте обеспечения процессуального равноправия сторон, внимания заслуживает дело «*Galich v. Russia*» (постановление от 13 мая 2008 года) об уменьшении размера неустойки судом кассационной инстанции по его собственной инициативе. Хотя само по себе полномочие суда сократить размер неустойки не было названо Европейским судом несовместимым с Конвенцией, ЕСПЧ признал нарушение п. 1 статьи 6 в связи с непредоставлением сторонам возможности быть услышанными по данному вопросу.

Участие прокурора в гражданском деле как нарушение равноправия сторон

Соблюдение процессуального равноправия сторон оценивалось Судом в деле «*Menchinskaya v. Russia*» (постановление от 15 января 2009 года). Решением национального суда были удовлетворены требования заявительницы об индексации пособия по безработице, на это решение была подана кассационная жалоба ответчиком – центром занятости, а также

принесен кассационный протест прокурором (по правилам статьи 282 ГПК РСФСР), поддержавшим доводы кассационной жалобы. В предшествующей практике Суда сам факт присутствия прокурора или аналогичного ему должностного лица в судебном заседании расценивался – вне зависимости от того, было ли его поведение активным или пассивным, – как нарушение п. 1 статьи 6 Конвенции (постановление по делу «*Martinie v. France*» от 12 апреля 2006 года). В других делах Судом исследовался также вопрос о том, было ли стороне предоставлено право ознакомиться с доводами прокурора и представить свои возражения на них (постановление по делу «*Lobo Machado v. Portugal*» от 20 февраля 1996 года). Однако Суд отметил, что российское дело представляло собой особый случай, поскольку прокурор не присутствовал в заседании суда кассационной инстанции – его протест был направлен заявительнице, она могла представить свои возражения относительно его аргументов. Вместе с тем, поскольку прокурор, рекомендуя удовлетворить или отклонить кассационную жалобу, становится союзником или оппонентом той или иной стороны, его участие создает у другой стороны чувство неравенства, поэтому задачей ЕСПЧ становится определение того, был ли соблюден «баланс прав» сторон.

Анализируя обоснованность участия прокурора в данном деле, Суд, со ссылкой на мнение Комиссии Совета Европы «За демократию через право» (Венецианская комиссия), указал следующее. Сторонами в гражданском судопро-

изводстве являются истец и ответчик, обладающие равными правами, включая право на оказание юридической помощи. Поддержка прокурором позиции одной из сторон, безусловно, может быть оправданной при некоторых обстоятельствах, например для защиты прав уязвимых групп населения – несовершеннолетних, недееспособных граждан и т. д., которые предположительно не в состоянии защищать свои интересы самостоятельно, или же если каким-либо противоправным поведением затронуты многочисленные группы людей, или же если в защите нуждаются интересы государства. Однако противником заявительницы по данному делу являлся государственный орган (центр занятости), который подал кассационную жалобу на решение суда первой инстанции, ссылаясь на неправильное применение им норм права. Прокурор в своем протесте привел те же доводы, что и центр занятости. Правительство не привело убедительного обоснования вмешательства прокурора (в виде защиты публичного интереса или иной общественно значимой цели). Суд посчитал, что, хотя у прокурора были законные основания вступить в процесс, в данном деле не было обстоятельств, оправдывающих его вмешательство. Следовательно, сам факт воспроизведения прокурором в его протесте аргументов центра занятости касательно применения норм права судом первой инстанции был направлен не на что иное, как на оказание давления на суд. При этом Европейский суд сослался на Резолюцию ПАСЕ 1604 (2003) о роли прокуратуры

в демократическом обществе, основанном на верховенстве права, предусматривающую, что никакая из функций прокуратуры не может порождать конфликт интересов или использоваться как средство удерживания граждан от защиты ими своих прав. В итоге Суд установил нарушение принципа равенства сторон и права на справедливое судебное разбирательство⁴².

К подобным же выводам Суд пришел в постановлении по делу «*Korolev v. Russia*» (№ 2) от 1 апреля 2010 года. ЕСПЧ указал, что «тот факт, что аналогичная точка зрения защищается в суде несколькими сторонами, не обязательно ставит оппонента в “существенно неблагоприятное положение” при представлении своего дела. В данном деле должно быть установлено, соблюден ли “беспристрастный баланс”, который должен действовать между сторонами, с учетом участия прокурора в производстве» (п. 29). При этом ЕСПЧ не исключил «возможности того, что поддержка одной из сторон процесса прокурором может быть оправдана в определенных обстоятельствах, например, для защиты людей, которые признаны не способными самостоятельно защищать свои интересы, или когда рассматриваемым правонарушением затрагиваются интересы большого количества лиц, или когда в защите нуждается определенное имущество или интересы государства» (п. 32). Однако Суд не усмотрел никаких кон-

⁴² Обстоятельства дела в изложении Европейского суда переведены М.А. Филатовой.

кретных причин, которые оправдывали бы участие прокурора в суде кассационной инстанции по данному гражданскому делу. Суд установил, что простой повтор прокурором доводов ответчика по вопросам права, если только они не преследовали цель оказать влияние на суд, представляется бессмысленным, а следовательно, не был соблюден принцип равенства процессуальных возможностей сторон, требующий беспристрастного баланса между сторонами (п. 36)⁴³.

В то же время в постановлении по делу «*Batsanina v. Russia*» от 26 мая 2009 года Суд пришел к выводу, что участие прокурора не нарушило принципа равенства в данном процессе. Хотя заявительница утверждала, что в ее деле отсутствовала причина, оправдывающая право прокурора на предъявление иска, ЕСПЧ счел, что прокурор действовал в публичных интересах, заявительница и ее муж имели адвоката и представили суду 1-й инстанции письменные и устные замечания; решение прокурора о предъявлении иска было основано на российском законодательстве и не выходило за рамки его дискреционных полномочий о возбуждении дела с учетом конкретных обстоятельств; соответственно, не было оснований полагать, что возбуждением гражданского дела прокурор стремился оказать или оказал ненадлежащее влияние на суд или препятствовал заявительнице в осуществлении эффективной защиты своих интересов. Таким образом,

⁴³ Перевод постановления по делу «*Korolev v. Russia*» на русский язык осуществлен Аппаратом Уполномоченного РФ при ЕСПЧ.

по мнению Европейского суда, принцип равенства процессуальных возможностей сторон судопроизводства, требующий справедливого равновесия между сторонами, в данном деле не был нарушен (п. 27)⁴⁴.

Позиции Суда по указанным делам, безусловно, значимы для российского гражданского судопроизводства. Они заставляют обратить внимание на традиционно высокую активность органов прокуратуры по инициированию гражданских дел, вступлению в уже начавшийся процесс, обжалованию судебных постановлений, а также переосмыслить и изменить тенденцию расширения полномочий прокурора в российском гражданском процессе.

3. Гласность судебного разбирательства

Гласность судопроизводства: содержание и основные компоненты

Позиции Суда, касающиеся содержания требования гласности (публичности) судебного разбирательства, носят достаточно общий характер. Подчеркивая значимость данной гарантии и ее важность для защиты от негласного правосудия, для обеспечения доверия к судам и прозрачности пра-

⁴⁴ Перевод на русский язык: СПС «Консультант-Плюс».

восудия, Суд достаточно скупое говорит конкретно об открытости судебного заседания для общественности, включая оглашение судебных решений⁴⁵. При этом уделяется внимание тем обстоятельствам, которые прямо названы в п. 1 Конвенции как оправдывающие возможность проведения закрытых судебных заседаний (когда этого требуют соображения морали, общественного порядка или национальной безопасности в демократическом обществе, а также интересы несовершеннолетних, или когда это требуется для защиты частной жизни сторон, или – в той мере, в какой это, по мнению суда, строго необходимо – при особых обстоятельствах, когда гласность нарушала бы интересы правосудия).

Между тем проблема публичности судопроизводства не исчерпывается только обеспечением доступа в судебное заседание. Она конкретизирована, в частности, в документе, который сегодня признан наиболее удачной попыткой гармонизации фундаментальных процессуальных принципов и гарантий, свойственных всем правовым системам, а именно в принятых в 2004 году Американским институтом права (*American Law Institute*) и Институтом унификации частного права (*UNIDROIT*) Принципах трансграничного гражданского процесса (*Principles of Transnational Civil Procedure*)⁴⁶.

⁴⁵ «Прецедентными» решениями Европейского суда по данному вопросу считаются постановления по делам «*Pretto and Others v. Italy*» от 2 декабря 1983 года, «*Engel and others v. the Netherlands*» от 8 июня 1976 года, «*Axen v. Germany*» от 8 декабря 1983 года и др.

⁴⁶ Текст данного документа на английском и французском языках опубликован

Так, Принцип 20 указанного документа – «Публичность судопроизводства» – устанавливает, в частности, следующее:

«20.1. По общему правилу, устные слушания, включая слушания, в которых представляются доказательства и оглашается судебное решение, являются открытыми. На основе консультаций со сторонами суд может распорядиться о проведении всех или части слушаний в закрытом судебном заседании в интересах правосудия, общественной безопасности или охраны частной жизни.

20.2. Судебные дела и протоколы судебных заседаний являются открытыми или должны быть иным образом доступны лицам, имеющим законный интерес или обратившимся с обоснованным запросом об этом в соответствии с законом суда.

20.3. Если судопроизводство является открытым, судья может распорядиться о проведении части его в закрытом судебном заседании в интересах правосудия, общественной безопасности или охраны частной жизни.

20.4. Судебные решения, включая мотивировочную часть, и, по общему правилу, иные судебные постановления должны быть доступными для общественности»⁴⁷.

на официальном сайте УНИДРУА: www.unidroit.org. Перевод Принципов трансграничного гражданского процесса на русский язык опубликован в 2011 году в издательстве «Инфотропик Медиа».

⁴⁷ Цит. по: Принципы трансграничного гражданского процесса (Principles of Transnational Civil Procedure). М.: Инфотропик Медиа, 2011.

Как видно из данного документа, понятие публичности в нем распространено не только на собственно заседания суда, в которых слушаются дела, но и на доступ к материалам судебных дел, протоколам судебным заседаний – как минимум для лиц, законным образом заинтересованных в ознакомлении с ними, а также на открытость судебных актов для широкого круга лиц. Последнее требование наиболее полно реализуется при опубликовании судебных актов в Интернете.

Как указывает С.Ф. Афанасьев, в теории выделяются несколько форм материализации начала публичности в отношении гражданских правовых споров, подпадающих под судебную юрисдикцию:

а) открытость гражданского процесса (наличие в зале судебного заседания лиц, участвующих в деле, а также способствующих осуществлению правосудия, и прочих интересующихся; их надлежащее извещение; устное ведение разбирательства; доступность документов);

б) публичное оглашение и дальнейшее опубликование итоговых правоприменительных постановлений суда (как по конкретному делу, так и различных тематических, статистических обобщений);

в) прозрачность действий судебной системы для общества (размещение информации о наличии в производстве тех или иных гражданских дел, о дне их предполагаемого слушания, предоставление архивных материалов и др.);

г) доступность сведений о юридических конфликтах для

Большинство данных стандартов устанавливаются сегодня и в российском процессуальном законодательстве, либо же их реализация обеспечивается в судебной практике (в частности, путем предоставления средствам массовой информации данных о делах, находящихся в производстве того или иного суда).

Так, статьи 10 ГПК РФ, 11 АПК РФ закрепляют общий принцип гласности судебного разбирательства, устанавливая открытый порядок разбирательства дел в судах, с исключениями, сделанными для дел, содержащих сведения, составляющие государственную тайну, тайну усыновления (удочерения) ребенка, по другим делам – если это предусмотрено федеральным законом, а также при удовлетворении ходатайства лица, участвующего в деле и ссылающегося на необходимость коммерческой, служебной или иной охраняемой законом тайны или иные обстоятельства.

В этом контексте представляется естественным, что практика Суда по российским делам весьма немногочисленна. Единственное постановление, в котором Суд констатировал нарушение п. 1 статьи 6 в связи с ограничением доступа в зал судебного заседания, было вынесено по делу *«Zagorodnikov v. Russia»* от 7 июня 2007 года, которое касалось рассмотрения Арбитражным судом г. Москвы дела о заключении мирового соглашения между банком «Российский кредит»

⁴⁸ См.: Афанасьев С.Ф. Указ. соч. С. 208.

и его кредиторами. Тогда доступ в зал заседания суда был необоснованно ограничен в связи с потенциально большим числом кредиторов (граждан – вкладчиков банка), участвовавших в деле. Данный случай можно отнести скорее к процессу суда, нежели к сложившейся практике.

Доступ к материалам судебных дел

Не нашел пока своего безусловного воплощения в российском праве такой стандарт публичности судебного разбирательства, как доступ к материалам судебных дел, протоколам судебных заседаний для лиц, не участвующих в деле, но имеющих оправданный интерес к ознакомлению с такими материалами. В то же время очевидно, что такой доступ и не может быть неограниченным, так как несет в себе риск определенных негативных последствий и нарушения прав лиц, участвующих в деле, вследствие чрезмерной открытости информации о материалах, рассмотренных с их участием.

В целом практику Европейского суда, касающуюся соблюдения требования публичности в судебном разбирательстве, трудно назвать обширной. Речь идет лишь о нескольких постановлениях и решениях, но в них поставлены проблемы, которые можно назвать типичными для российской правовой системы.

Так, в деле «*Ryakib Biryukov v. Russia*» (постановление от 17 января 2008 года) Суд констатировал, что гражданское

процессуальное законодательство России «упоминает только участников процесса и их представителей как лиц, имеющих право знакомиться с мотивированным решением, изготовленным после публичного оглашения резолютивной части. Обязательное вручение копии решения ограничивается вручением сторонам и другим участникам процесса. Соответствующие же правила передачи судебных решений в канцелярию суда ограничивают общественный доступ к текстам решений. Такой доступ обычно предоставлялся только сторонам и другим участникам процесса»⁴⁹. Соответственно, ЕСПЧ пришел к выводу, что контроль за правосудием со стороны общественности не был достигнут в настоящем деле, и установил нарушение п. 1 статьи 6 Конвенции в части обеспечения гласности судебного заседания.

Между тем практика оглашения в судебном заседании лишь резолютивной части выносимого акта, с дальнейшим получением решения в полном объеме лицами, участвующими в деле, типична для российских судов общей юрисдикции. Если в арбитражных судах уже введена система опубликования в открытом доступе в Интернете всех выносимых по существу дела актов, то в судах общей юрисдикции процесс перевода всего массива судебных постановлений в открытое информационное пространство пока далек от завершения. Вместе с тем постепенное движение в этом направлении дает основания полагать, что достижение полной от-

⁴⁹ Цит. по: Афанасьев С.Ф. Указ. соч. С. 223.

крытости всех актов, выносимых по существу в системе судов общей юрисдикции, является вопросом времени, а также технических и финансовых возможностей судебной системы. Как показывает опыт арбитражных судов, данная цель может быть достигнута во вполне обозримые сроки.

С точки зрения указанного постановления Европейского суда необходимо изменить всю процедуру опубликования судебных постановлений, чтобы обеспечить доступ к основной информации, установленной решениями, как для участников процесса (что вытекает непосредственно из совокупности предоставленных им процессуальных прав), так и для широкой общественности – что само по себе и обеспечивает один из компонентов публичности судебного разбирательства.

Хронологически именно после принятия данного постановления ЕСПЧ был принят Федеральный закон от 22 декабря 2008 года «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации», вступивший в силу с июля 2010 года и предусматривающий создание информационных ресурсов (официальных сайтов) всех судов общей юрисдикции – для информирования общественности об организации и результатах деятельности судов, а также для получения заинтересованными лицами по их запросам иной информации. Предусмотренное законом создание такого информационного пространства еще не завершено.

Протокол судебного разбирательства: его качество и доступность

Средством обеспечения открытого характера судебного разбирательства, существенно влияющим и на качество правосудия, является надлежащее ведение и доступность протокола судебного разбирательства.

В различных правовых системах используются разные способы фиксации хода судебного разбирательства. Поэтому, скажем, термин *records* в странах англосаксонского права, в особенности в США, где на протяжении нескольких веков обеспечивается дословная запись – стенографирование – всего судебного заседания, неэквивалентен значению термина *протокол* в российском гражданском процессе, где протокол ведется секретарем судебного заседания в рукописной форме и не имеет целью дословную фиксацию судебного разбирательства. Во многих странах используется аудио- и/или видеозапись, переводимая в текстовую форму на бумажных носителях полностью или в части – либо по указанию суда (за счет бюджета), либо по заказу участника процесса (за соответствующую плату)⁵⁰. С введением в России в 2010 году обязательного порядка аудиозаписи в арбитражном процессе протокол судебного заседания использует-

⁵⁰ О различных способах фиксации хода судебного заседания см. комментарий к Принципу 20 в: Принципы трансграничного гражданского процесса.

ся вместе с аудиозаписью, на что прямо указывается в статье 155 АПК РФ («В ходе каждого судебного заседания арбитражного суда первой инстанции, а также при совершении отдельных процессуальных действий вне судебного заседания ведется протоколирование с использованием средств аудиозаписи и составляется протокол в письменной форме»), но в гражданском процессе он по-прежнему остается единственным способом фиксации. При этом использование протокола, согласно части 2 той же статьи 155, является дополнительной гарантией отражения основных данных о судебном заседании, таких как время и место его проведения, информация о рассматриваемом деле, протокольные определения, принимаемые судом, устные заявления и ходатайства лиц, участвующих в деле.

Проблема полноты протоколирования и открытости протоколов судебных заседаний может быть снята путем повсеместного, т. е. также в судах общей юрисдикции, введения аудиозаписи (что будет в значительной мере способствовать повышению объективности отражения хода судебного заседания, а значит, и повышению качества выносимых судебных актов). С внедрением обязательного использования технических средств для записи судебных заседаний степень обеспечения их открытости была бы значительно повышена.

С публичностью судебного разбирательства связано и требование своевременного уведомления заявителей о времени и месте судебного заседания. Анализ российских дел дан-

ной категории в практике Европейского суда был дан выше в контексте права представить свои объяснения (в разделе «Состязательный характер процесса и равенство процессуальных возможностей сторон»). Здесь же следует повторить, что обеспечение в РФ надлежащего извещения участников процесса требует принятия срочных организационных и процедурных мер, чтобы общепризнанный, устанавливаемый Конвенцией и основополагающими принципами европейского права стандарт был достигнут и в этом элементе принципа открытого правосудия.

§ 3. Отмена вступивших в законную силу судебных решений

1. Производство по пересмотру судебных постановлений в порядке надзора и эволюция его оценки европейским судом по правам человека

ЕСПЧ констатирует значительное количество нарушений Конвенции со стороны России в связи с национальной процедурой отмены вступивших в законную силу судебных решений, что позволяет охарактеризовать данную проблему как имеющую системный характер. Однако далеко не всегда российская юридическая общественность, в том числе правоприменители, однозначно и конструктивно воспринимают сложившуюся практику Европейского суда по данному вопросу, а названные механизмы пересмотра судебных актов в национальной правовой системе оцениваются как фундаментальные ее особенности, не подлежащие серьезной корректировке в силу их обусловленности российским контекстом⁵¹.

⁵¹ Так, Д.Я. Малешин в автореферате диссертации на соискание ученой степени д. ю. н. в качестве одного из положений, выносимых на защиту, приводит сле-

Сближение процессуальных принципов различных правовых систем по вопросам пересмотра судебных актов

Однако именно на фоне характерных для различных стран особенностей их правовых систем, обусловленных национальными традициями, уровнем экономического развития, социокультурным своеобразием общества, имеет важнейшее значение факт сближения процессуальных принципов, в том числе в отношении таких проблем, решение которых на национальном уровне ранее представлялось незбылемым⁵².

Это сближение во многом обусловлено общностью проблем, возникающих в современном глобализированном мире, в первую очередь в экономических отношениях, наиме-

дующее: «Позиция Европейского суда по правам человека о неэффективности российского производства в порядке надзора вследствие его несоответствия распространенной за рубежом теории “рес юдиката” (res judicata) является неоднозначной, применение ее в полном объеме в российских социокультурных условиях затруднительно». См.: Малешин Д.Я. Гражданская процессуальная система России: Автореф. дис... д-ра юрид. наук. М., 2011.

⁵² Например, это отчетливо проявляется в повышении активности суда (как в процессе доказывания, так и в управлении процессом ведения дела) в судопроизводстве стран англосаксонского права, традиционно отличавшихся «пассивной» ролью суда и судей; во введении элементов доказывания, свойственных странам общего права, в процессуальные системы континентального права (раскрытие доказательств, санкции в виде судебных расходов) и т. д.

нее подверженных зависимости от национальных границ, и поиском наиболее целесообразных – и наиболее эффективных в условиях схожего алгоритма развития социально-экономических отношений – путей решения этих проблем. В то же время некоторые исторически присущие тем или иным системам институты в современных, изменившихся условиях оказываются менее эффективными, что требует если не полного отказа от них, то хотя бы значительной корректировки в соответствии с изменившимися целями судопроизводства, а также с приоритетами, которыми должен руководствоваться законодатель при их реализации. Это меняет запрос на параметры существующей системы правосудия.

Авторы одного из наиболее глубоких сравнительных исследований основных особенностей судопроизводства в социалистических странах – Мауро Капелетти и Брайан Гарт – отмечали, что идеологические различия между социалистическими и западными странами, возможно, нигде так не очевидны, как в положениях, регулирующих пересмотр судебных актов в большинстве восточноевропейских стран. Исследователи указывали, в частности, на два основных принципа, характерных для социалистического права в данной области: 1) вышестоящий суд не связан доводами сторон, изложенными в жалобе; 2) право апелляционного обжалования предоставлено как частным сторонам, так и публичным органам⁵³.

⁵³ См.: Cappelletti M., Garth B. Vol. XVI «Civil Procedure» of the International

В свою очередь, данные принципы были обязаны своим существованием другим характерным особенностям судопроизводства в странах социалистического блока, а именно широкому контролю государства и преобладающему социальному (публичному) интересу при разрешении судами дел частноправового характера⁵⁴.

***Преобладание публичных интересов
над частными в гражданском
судопроизводстве социалистического типа***

Отличия, прежде всего идеологического характера, в регулировании взаимоотношений государства и индивида, в том числе в объеме вмешательства государства в частные правоотношения, обусловили и разные подходы к системе инстанций, осуществляющих пересмотр судебных актов. Как известно, в традиционных процессуальных моделях структура инстанций обычно состоит из трех, реже из двух уровней. Первая инстанция, которая иногда «расщепляется» на два уровня юрисдикции – для рассмотрения простых дел и дел на небольшую сумму и для всех остальных, несет нагрузку по рассмотрению дел по существу. Вторая инстанция, как правило, носит название апелляционной и служит для

Encyclopedia of Comparative Law // Chapter I. Introduction – Policies, Trends and Ideas in Civil Procedure. Tübingen, 1987. P. 20.

⁵⁴ Ibid. P. 22.

пересмотра решений, не вступивших в законную силу. Третья инстанция в зависимости от вида процессуальной системы может выполнять функции апелляционной инстанции, кассационной или ревизионной⁵⁵.

Третья судебная инстанция

Общей для всех моделей деятельности третьей инстанции, функции которой, как правило, возложены на высший

⁵⁵ Данная типология применительно к континентальной правовой системе была изложена, например, Е.В. Васьковским в его «Учебнике гражданского процесса» (гл. I, § 12 «Инстанционная система». М.: Зерцало, 2003). Указанные судоустройственные модели в современной процессуальной науке выделены, в частности, в следующих исследованиях: Jollowicz J.A. Recourse against Civil Judgements in the European Union: A Comparative Survey: Introduction / J.A. Jollowicz, C.H. Van Rhee (eds.) // Recourse against Judgements in the European Union. Civil Procedure in Europe 2. Kluwer Law International, 1999. P. 2; Geeroms S. Foreign Law in Civil Litigation: A Comparative and Functional Analysis. Oxford University Press, 2004. P. 253–255; Eadem. Comparative Law and Legal Translation: Why the Terms Cassation, Revision and Appeal Should Not Be Translated... // American Journal of Comparative Law. 2002. Vol. 50. P. 203–205; Herzog P.E., Karlen D. Attacks on Judicial Decisions // International Encyclopedia of Comparative Law. Vol. XVI. Civil Procedure. Chapter 8. P. 3. Анализ данных работ в российской правовой литературе был дан, в частности, в статье М.А. Филатовой «Окончательный пересмотр судебных решений в европейских странах: основные модели и тенденции развития» (Российский ежегодник гражданского и арбитражного процесса. 2006. № 5. С. 272–291). Современным российским исследованием, затрагивающим вопросы типологии систем пересмотра, является работа Е.А. Борисовой «Проверка судебных актов по гражданским делам» (М.: Городец, 2006. С. 195–206).

судебный орган государства, в современных правовых системах является функция обеспечения правильного и единообразного применения судами норм права – через отмену решений по конкретным делам, отбираемым по дискреционному принципу самим высшим судом исходя из того, какие дела, по его мнению, могут иметь наибольшее значение для обеспечения развития права и его единообразия.

При этом наблюдается сближение в деятельности судов третьей, высшей, инстанции в странах континентального права, где они создавались изначально для реализации этих функций, и в странах англосаксонского (в первую очередь английского) права, где высшие судебные органы традиционно выполняли функции апелляции, т. е. их деятельность была направлена главным образом на исправление ошибок, допущенных нижестоящими судами, – как в вопросах права, так и в вопросах факта. В современных условиях, благодаря общим процессам сближения правовых систем, данные органы все больше становятся органами «обобщения» права и обеспечения его единообразия, как это исторически было свойственно странам континентальной Европы⁵⁶. При этом, несмотря на бесспорный публичный интерес (в первую очередь интерес государства) к обеспечению единообразия судебной практики, определяющей для формирования последней является воля тяжущихся сторон к обжалованию судеб-

⁵⁶ Об этом см. подробнее: Jollowicz J.A. Recourse against Judgements in the European Union. P. 3.

ных решений. Как правило, в тех исключительных случаях, когда право оспаривания судебных актов в высшем судебном органе предоставлено каким-либо должностным лицам, в деле не участвовавшим (обычно это должностные лица прокуратуры), имеет место так называемая платоническая кассация, подразумевающая право генерального прокурора в случае, если ни одна из сторон не обратилась с кассационной жалобой на вынесенное решение, обратиться с «представлением в интересах права»⁵⁷ о его отмене. Такое обращение возможно, если решение нарушает нормы материального права или фундаментальные процессуальные принципы. Если в результате такого обращения прокурора решение будет отменено, то отмена не затронет установленное решением правовое положение сторон, в отношении которых решение сохраняет свою силу *res judicata*⁵⁸. Цель такой отмены единственно исключение решения из массива актов, имеющих прецедентное значение, и указание нижестоящим судам (на будущее) на неправильное применение и толкование за-

⁵⁷ В новом ГПК Франции такое обращение называется le *pourvoi dans l'intérêt de la loi*, в итальянском ГПК – *ricorso nell'interesse della legge*, в ГПК Нидерландов – *cassatie in het belang der wet*. В отношении последнего более подробно см.: Hartog Jager W.H.B., *den. Cassatie in het belang der wet: een buitengewoon rechtsmiddel*. Arnhem, 1994. (Ссылка приводится по изд.: *Recourse against Civil Judgements in the European Union. Civil Procedure in Europe 2*. P. 240).

⁵⁸ См. статью 363, § 2, ГПК Италии; статьи 1089–1090 ГПК Бельгии. О соответствующих полномочиях прокурора во французском процессе см.: *Droit et pratique de la procédure civile*. Sous la direction de Serge Guinchard. Dalloz Action, 1999. P. 1284–1285.

кона в данном конкретном случае⁵⁹.

Основные виды процедур по пересмотру судебных актов в мировой практике

Современное понимание функций высшего судебного органа как направленных на защиту и развитие права, обеспечение его единообразного толкования и применения, рассмотрение дел, имеющих особую общественную значимость (публичный интерес), выражено также в общеевропейских документах, в частности в Рекомендации Комитета министров Совета Европы № R (95) 5 от 7 февраля 1995 года относительно введения в действие и улучшения функционирования систем и процедур обжалования по гражданским и торговым делам. В частности, в п. «с» статьи 7 данного документа установлено: «Обжалование в суд третьей инстанции должно использоваться лишь в случаях, заслуживающих третьего судебного рассмотрения, например по делам, которые необходимы для развития права или его единообразного толкования. Оно может также ограничиваться случаями, когда дело затрагивает вопрос права, имеющий общественную значимость»⁶⁰.

В социалистических странах, в первую очередь в Совет-

⁵⁹ См., например: Barsotti V., Varrano V. National Report // Recourse against Civil Judgements in the European Union. P. 219.

⁶⁰ Перевод М.А. Филатовой.

ском Союзе, задававшем определенную матрицу развития права во всех странах данного блока, задачи третьей судебной инстанции понимались иначе. Отказавшись от традиционных для европейских стран кассационной и ревизионной моделей ее деятельности, законодатель создал абсолютно новую форму проверочной деятельности для вступивших в законную силу судебных решений – производство по пересмотру судебных постановлений в порядке надзора (далее также – надзорное производство)⁶¹.

Хотя формально обеспечение единообразия судебной практики также указывалось в качестве задачи деятельности высшего судебного органа, особенно в поздний период развития советского права, все-таки основная цель данной процедуры виделась в исправлении судебных ошибок. Создание данного института было обусловлено в том числе потребностью в механизме, позволяющем в течение неограниченного срока исправлять допущенные нижестоящими судами ошибки в исследовании фактических обстоятельств (или пробелы в таком исследовании), и задачей надзорного производства фактически стала проверка и законности, и обоснованности вступивших в законную силу судебных актов с целью исправления обнаруженных в них существенных ошибок⁶².

⁶¹ Об истории создания института производства в порядке надзора см., в частности: Борисова Е.А. Проверка судебных актов по гражданским делам. М.: Городец, 2005. С. 178–192.

⁶² См., в частности: Комиссаров К.И. Задачи судебного надзора в сфере гражданского судопроизводства. Свердловск, 1971. С. 7. На фактическое совпадение

Идеологическая обусловленность данного института, направленного, как и все течение судопроизводства, на достижение объективной истины, и преобладание публичных интересов над частными в регулировании гражданского судопроизводства объясняют и отступление от принципа диспозитивности при регулировании надзорного производства (протест мог приноситься только должностными лицами прокуратуры и суда, не участвовавшими в деле, зачастую вне зависимости от обращения сторон об обжаловании вынесенных судебных решений), и «многоступенчатую» структуру надзорного производства, в соответствии с ГПК РСФСР 1964 года состоявшую из трех уровней⁶³, и наделение суда надзорной инстанции полномочиями по проверке дела в полном объеме, невзирая на доводы протеста как по имеющимся в деле, так и по дополнительно представленным материалам (статья 49 Основ гражданского судопроизводства Союза ССР и союзных республик)⁶⁴, и, наконец, отсутствие сроков, в течение которых решение, вступившее в законную силу, могло быть опротестовано и отменено в порядке над-

оснований для пересмотра судебных постановлений в порядке надзора с кассационными указывал также В.К. Пучинский в монографии «Пересмотр судебных постановлений в порядке надзора в советском гражданском процессе» (СПб.: Изд. дом С.-Петербур. гос. ун-та: Изд-во юрид. ф-та СПбГУ, 2007), которая, к сожалению, увидела свет только после ухода из жизни этого замечательного ученого.

⁶³ Эти уровни, закрепленные в статье 320 ГПК РСФСР 1964 года, в целом совпадают с нынешним устройством надзорных инстанций в судах общей юрисдикции (статья 377 ГПК РФ).

⁶⁴ См.: Комиссаров К.И. Указ. соч. С. 56.

зора. Это могло произойти и спустя несколько лет после того, как решение вступило в законную силу и даже было исполнено.

После перехода к рыночным отношениям все правовые системы подверглись радикальным изменениям, выбрав разные парадигмы дальнейшего развития. Российское гражданское судопроизводство вплоть до принятия в 2002 году новых процессуальных кодексов – Гражданского процессуального и Арбитражного процессуального довольствовалось изменениями путем модификации действовавшего ГПК РСФСР 1964 года. Хотя в 1991–2002 годах были проведены некоторые значительные реформы гражданского процесса (в частности, был возрожден институт мировых судей с введением апелляционной проверки их решений, институты заочного и приказного производства, изменены подходы к закреплению принципа состязательности, роли суда и сторон в процессе), они практически не коснулись надзорного производства, основные черты которого сформировались еще в советский период. Это многочисленность инстанций, осуществлявших функции надзора; неограниченность сроков для оспаривания судебных решений; предоставление полномочий для оспаривания решений не сторонам процесса, а должностным лицам прокуратуры и суда, не участвовавшим в деле; неопределенность и широта оснований для отмены вступивших в законную силу судебных постановлений в порядке надзора. Таким образом, после перехода стра-

ны к новому укладу экономических отношений, в условиях продолжающейся правовой реформы и даже после вступления России в Совет Европы в течение 10 лет надзорное производство практически не менялось.

Оценка российского производства в порядке надзора ЕСПЧ

Именно в этот период принимаются первые постановления Европейского суда, касающиеся отмены вступивших в законную силу судебных постановлений в порядке надзора. В этих базовых постановлениях четко прослеживается основной подход ЕСПЧ, выводимый из положений Конвенции и получивший дальнейшее развитие в последующей практике Суда по данной категории дел. Кратко его можно выразить следующим образом: отмена вступившего в законную силу судебного решения возможна только в исключительных обстоятельствах. В свою очередь, этот фундаментальный подход обосновывается Судом ссылкой на принцип верховенства права, закрепленный в Преамбуле Конвенции («Правительства, подписавшие настоящую Конвенцию, являющиеся членами Совета Европы... преисполненные решимости, как Правительства европейских государств, движимые единым стремлением и имеющие общее наследие политических традиций, идеалов, свободы и верховенства права... согла-

сились о нижеследующем...»)⁶⁵.

Первым постановлением, в котором были сформулированы основные позиции ЕСПЧ по данному вопросу, было постановление по делу «*Brumaresku v. Romania*» 1999 года, в котором Суд указал, в частности, следующее:

«61. Право на справедливое судебное разбирательство, как оно гарантируется Статьей 6 § 1 Конвенции, должно истолковываться в свете преамбулы Конвенции, которая устанавливает, среди прочего, что принцип верховенства права является общим для подписывающих Конвенцию Государств. Один из фундаментальных аспектов правовой нормы – принцип правовой определенности, который означает, в частности, что, если суд вынес окончательное решение, то оно не должно быть подвергнуто сомнению.

Правовая определенность предполагает уважение принципа *res judicata*, то есть принципа недопустимости повторного рассмотрения однажды решенного дела».

Итак, в основе обширной практики Суда в отношении отмены вступивших в законную силу судебных постановлений лежат два фундаментальных принципа европейского права, тесно связанных между собой: принцип верховенства права и принцип правовой определенности.

Первым «российским» делом, в котором Суд рассматривал вопросы отмены вступивших в законную силу судебных постановлений, стало дело «*Рябых (Riabykh) против России*»

⁶⁵ См. также: Зимненко Б.Л. Указ. соч. С. 169.

(постановление от 24 июля 2003 года). Оно активно освещалось в российской литературе не только потому, что было первым из российских дел данной категории, но и потому, что в нем наиболее ярко проявились характерные особенности существовавшей на тот момент в гражданском процессе системы судебных инстанций.

Как известно, исковые требования заявительницы рассматривались судом первой инстанции шесть (!) раз; соответственно, пять раз дело направлялось вышестоящими судами на новое рассмотрение в суд первой инстанции. Причем на разных стадиях решение отменялось судом как кассационной, так и надзорной инстанции (президиумом областного суда и Судебной коллегией по гражданским делам Верховного Суда РФ). В общей сложности дело находилось на рассмотрении в разных ординарных судебных инстанциях около пяти лет, с 30 декабря 1997 года (дата вынесения первого решения по существу дела) до 16 июля 2002 года (дата рассмотрения кассационной жалобы ответчика Белгородским областным судом). В порядке надзора судебные постановления низших судов, вынесенные в пользу заявителя, проверялись по протестам должностных лиц Белгородского областного суда (его председателя) и Верховного Суда РФ (заместителя председателя суда) и были отменены по такому основанию, как неправильное, по мнению суда надзорной инстанции, толкование нижестоящими судами норм права.

В постановлении Европейского суда по данному делу вос-

произведены позиции, сформулированные им ранее по делу «*Brumaresku v. Romania*»: «Полномочие вышестоящего суда по пересмотру дела должно осуществляться в целях исправления судебных ошибок и неправильного отправления правосудия, а не пересмотра по существу. Пересмотр не может считаться скрытой формой обжалования, в то время как одно лишь наличие двух точек зрения по одному вопросу не может являться основанием для пересмотра. Отступления от этого принципа оправданны, только когда являются обязательными в силу обстоятельств существенного и непреодолимого характера». В то же время основания для отмены решения, примененные судом надзорной инстанции, а именно неправильное истолкование нижестоящим судом норм материального права, к «обстоятельствам существенного и непреодолимого характера», по мнению Европейского суда, отнести нельзя.

Кроме того, Суд особо подчеркнул, что в деле Рябых пересмотр судебного решения, вынесенного в пользу заявительницы, в порядке надзора был инициирован должностным лицом – председателем Белгородского областного суда, т. е. лицом, которое не являлось стороной по делу; осуществление данного полномочия не было ограничено по времени, так что судебные постановления могли быть оспорены на протяжении неопределенного срока. Все обозначенное в совокупности привело к выводу Суда о нарушении п. 1 статьи 6 Конвенции.

Такие выводы были многократно повторены и в других рассмотренных Судом делах данной категории.

Допустимые основания отмены национальными судами судебных актов в надзорном порядке

Нарушение Конвенции в подобных делах, таким образом, обусловлено несколькими факторами. Это и порядок инициирования надзорного производства по обращению должностного лица, не участвовавшего в деле; и возможность неоднократного обжалования вступивших в законную силу судебных постановлений (т. е. множественность судебных инстанций); и неопределенность срока, отведенного на обжалование (в ГПК РСФСР 1964 года, напомним, такой срок вообще не был установлен); наконец, неопределенность оснований для отмены в данной процедуре судебных решений, приводящая к возможности такой отмены по «ординарным» основаниям, не оправдывающим отступление от принципа правовой определенности. Таким образом, критерии, примененные Европейским судом для оценки соответствия российского надзорного производства по гражданским делам Конвенции, схематично отражают основные отличия систем обжалования и пересмотра в странах традиционной европейской демократии и в странах социалистического блока, сохранивших некоторые из этих отличий и после смены политических режимов.

Вопрос о допустимых основаниях для отмены вступивших в законную силу судебных решений является, пожалуй, наиболее сложным и неопределенным в практике Суда. Применительно к процедурам пересмотра вступивших в законную силу судебных актов действие правовой определенности, по мнению ЕСПЧ, должно проявляться в возможности отмены таких актов только для исправления фундаментальных ошибок, но не для простого пересмотра дела и принятия нового решения. Вступившее в законную силу судебное решение может быть отменено лишь в исключительных обстоятельствах, каковым не является необходимость получения другого решения по делу («*Parolov v. Russia*» от 14 июня 2007 года, «*Pshenichny v. Russia*» от 14 февраля 2008 года, «*Sipchenko v. Russia*» от 1 марта 2007 года и др.)⁶⁶.

***Новые и вновь открывшиеся обстоятельства
как основание для пересмотра
вступивших в силу судебных актов***

В каких же случаях допускается правомерное отступление от принципа правовой определенности, т. е. какие обстоятельства могут быть признаны исключительными? Прежде всего, такой случай установлен статьей 4 Протокола № 7 к Конвенции. Данная статья допускает возможность повтор-

⁶⁶ Перечень постановлений приведен по изд.: Зимненко Б.Л. Указ. соч. С. 170.

ного рассмотрения уголовного дела, в рамках которого лицо уже было окончательно оправдано или осуждено, если имеются сведения о новых или вновь открывшихся обстоятельствах или если в ходе предыдущего разбирательства были допущены существенные нарушения, повлиявшие на исход дела.

Данную позицию, сформулированную применительно к уголовному судопроизводству, Суд распространил и на гражданские дела: согласно практике ЕСПЧ отступление от принципа правовой определенности возможно в некоторых обстоятельствах для исправления «существенного нарушения» (*fundamental defect*) или «ненадлежащего отправления правосудия» (*miscarriage of justice*) (постановление по делу «*Sutyazhnik v. Russia*» от 23 июля 2009 года, п. 35).

Вместе с тем очевидно, что во всех перечисленных случаях использованные Судом критерии являются оценочными («существенные нарушения», «фундаментальные нарушения», «ненадлежащее отправление правосудия») и могут по-разному интерпретироваться в разных правовых системах. В практике Суда не сформулировано более четких, универсальных и объективных критериев «фундаментальности», «существенности» нарушений, которые могут привести к отмене вступивших в законную силу судебных актов, хотя именно это основной вопрос для государства, устанавливающего основания для отмены вступивших в законную силу судебных актов в экстраординарных процедурах и же-

лающего обеспечить соответствие этих оснований Конвенции.

В каждом связанном с отменой судебных решений деле ЕСПЧ определяет, в какой степени основания для отмены решения соответствуют указанным исключительным обстоятельствам и насколько отступление от принципа правовой определенности оправдано этими обстоятельствами. В контексте уголовного судопроизводства примером такой оценки могут служить постановления по делу *«Radchikov v. Russia»*, по гражданским делам – *«Protsenko v. Russia»*, *«Tishkevich v. Russia»*. В деле *«Pshenichny v. Russia»* ЕСПЧ привел примеры тех нарушений фундаментального порядка, которые могут оправдать отступление от принципа правовой определенности при отмене вступивших в законную силу судебных решений, – это юрисдикционные ошибки, серьезные нарушения судебной процедуры или злоупотребления полномочиями (п. 26 постановления от 14 февраля 2008 года)⁶⁷.

***Понятие существенных ошибок
как основания пересмотра судебных
актов, вступивших в законную силу***

Ошибки в определении подсудности, грубые процессуальные нарушения или злоупотребления полномочиями соглас-

⁶⁷ См.: Зимненко Б.Л. Указ. соч. С. 170.

но практике Суда могут, в принципе, рассматриваться как «существенные нарушения» (*fundamental defects*), исправление которых возможно в порядке надзорного производства («*Luchkina v. Russia*» от 10 апреля 2008 года, п. 21). Однако и в этом случае Суд решает, может ли данное нарушение оправдать пересмотр решения, ставшего *res judicata*, с учетом фактических обстоятельств дела. Например, в деле «*Sutyazhnik v. Russia*» основанием для отмены в порядке надзора вступившего в законную силу решения арбитражного суда, вынесенного в пользу заявителя, явилась неподведомственность дела рассмотревшему его суду. Европейский суд, подтвердив, что, в принципе, правила подсудности (подведомственности) должны соблюдаться, не нашел в рассматриваемом деле «никакой настоящей общественной необходимости, которая оправдывала бы отступление от принципа правовой определенности. Судебное решение было отменено [на национальном уровне] скорее во имя правового пуризма, чем для того, чтобы исправить ошибку, имеющую фундаментальное значение для судебной системы»⁶⁸. ЕСПЧ признал отмену вступившего в законную силу судебного решения мерой, несоизмеренной допущенному отступлению (от правил подсудности), и отметил, что с учетом обстоятельств дела должно было возобладать уважение принципа правовой определенности.

⁶⁸ Права человека. Практика Европейского Суда по правам человека. 2009. № 11.

В деле «*Tishkevich v. Russia*» Суд признал оправданной отмену судебного решения в порядке надзора на том основании, что ответчик не был надлежащим образом извещен о времени и месте судебного заседания. Отсутствие надлежащего извещения было расценено Судом как фундаментальное нарушение права на справедливое судебное разбирательство, а именно как отступление от принципа состязательности.

С точки зрения соотношения обстоятельств, которые могут или не могут выступать в качестве «фундаментальных нарушений», оправдывающих отмену вступивших в законную силу судебных решений, интерес представляет постановление Суда от 29 июля 2010 года по делу «*Streltsov and other "Novocherkassk military pensioners" v. Russia*». Данное дело имело сложный фактический состав: Суд «принял решение о необходимости исполнения вступивших в законную силу решений российских судов, которыми заявителям была присуждена задолженность, образовавшаяся из-за того, что при расчете пенсий не было учтено повышение минимального размера оплаты труда в 1995–1998 годах и (или) увеличение пайковых. По той причине, что судебные решения в отношении одних заявителей оставались неисполненными в течение длительного времени, а затем и вовсе были отменены при пересмотре в порядке надзора в нарушение права на доступ к суду и принципа правовой определенности, а в отношении других заявителей были исполнены, но

со значительной задержкой, Европейский суд по правам человека собственным постановлением обязал выплатить, т. е. присудил первым те суммы, которые они должны были бы получить в результате исполнения решений, проиндексировав их надлежащим образом, а вторым – возмещение потерь покупательной способности рубля за время, пока решения оставались неисполненными. Кроме того, Страсбургский Суд присудил каждому заявителю по 2000 евро в возмещение морального вреда, причиненного выявленными им нарушениями статьи 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод и статьи 1 Протокола № 1 к ней»⁶⁹.

В данном деле, как и во многих других, власти Российской Федерации ссылались на наличие при рассмотрении дела «фундаментальных нарушений», которые и послужили основанием для отмены решений по делам заявителей. В качестве таких «фундаментальных нарушений» указывались нарушения нижестоящими судами норм материального права, а также нарушение подсудности в ряде дел. Европейский суд оценил данные аргументы властей следующим образом: «В ответ на заявление представителей властей государства-ответчика о том, что судом первой инстанции были нарушены нормы материального права, Европейский суд по правам человека со ссылкой на свои Постановления по делам “*Dovguchits v. Russia*

⁶⁹ Цит. по: <http://europeancourt.ru/?p=3289>.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.